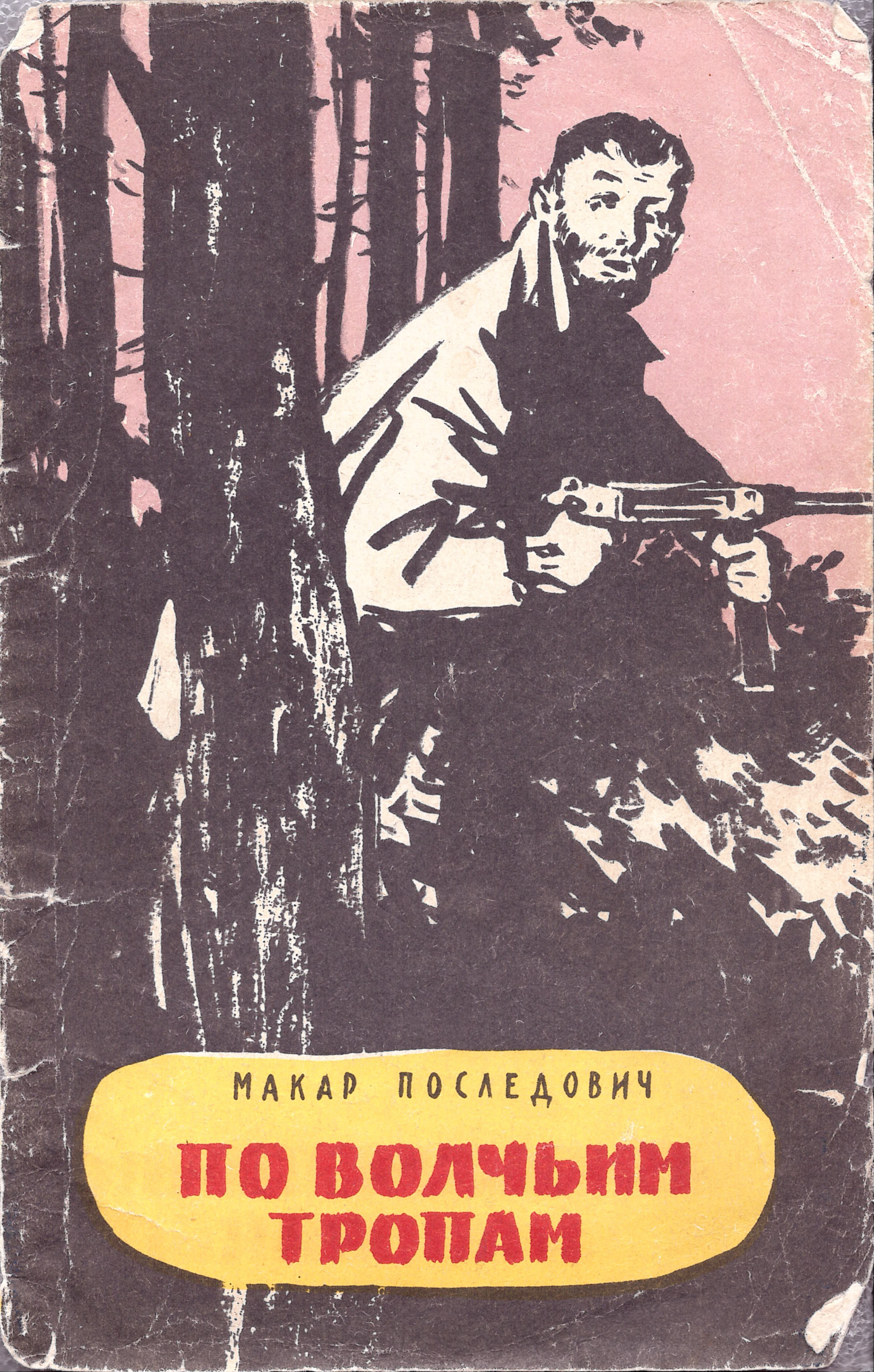

МАКАР ПОСЛЕДОВИЧ
ПО ВОЛЧЬИМ ТРОПАМ

Макар Последович

ПО ВОЛЧЬИМ ТРОПАМ

Документальная повесть,
рассказанная полковником Д. Н. КАЛЕНИКОМ

Государственное издательство БССР
Редакция детской и юношеской литературы
Минск 1961

Все, о чем повествуется в книге, не вымысел, не фантазия. Это — достоверный рассказ о подрывной деятельности агрессивных сил Соединенных Штатов Америки, засылающих в страны социалистического лагеря шпионов, убийц и диверсантов. Это — подлинный документ, который изобличает гнусных предателей Родины, белорусских буржуазных националистов из эмигрантского отребья. Верные помощники гитлеровских головорезов, они теперь нашли себе новых хозяев и злобно мечтают о восстановлении в Белоруссии капиталистического строя — строя помещиков и фабрикантов.

В повести рассказывается о героизме, проявленном работниками органов государственной безопасности и колхозниками Белоруссии во время поисков и ликвидации засланных на нашу территорию вражеских агентов.

Перевод с белорусского Н. Горулева

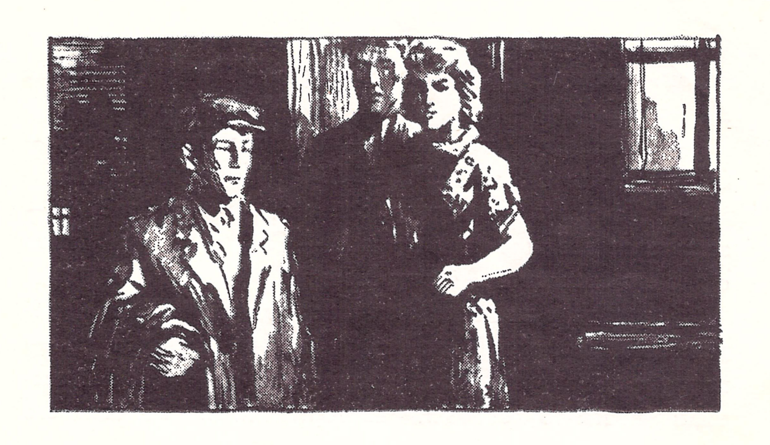
Художник П. Калинин

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Редактор Б. Бурьян. Художественно-технический редактор В. Варинчик. Корректор Р. Карасик.

Сдано в набор 23/I 1961 г. Подп. к печати 11/III 1961 г.
Формат 84×108 1/32. Физ. печ. л. 4,25. Усл. печ. л. 6,97. Уч.-изд. л. 5,69.
Тираж 100 000 экз. Зак. 59. Цена 27 коп.

Полиграфкомбинат имени Я. Коласа Главиздата Министерства культуры БССР, Минск, Красная, 23.

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Вечеринка в колхозе «Новая заря» подходила к концу. Баянист — черноглазый паренек, слесарь из соседней МТС,— сыграл, пожалуй, все любимые песни и танцы, трактористы и колхозные шоферы выкурили на крылечке свои папиросы, когда возле избы-читальни неожиданно появился незнакомец. Выйдя подышать свежим воздухом, парни и девушки заметили, как он, словно безмолвное привидение, ступил из темноты в яркий сноп света, падающий из окна.

Одет он был в серый, основательно измятый пиджак и черные галифе. Из-под видавшей виды маленькой кепки небрежно спадали на лоб космы черных волос. Широкоплечий, он чувствовал себя неловко в пиджачке, видимо, шитом на более щуплого человека. Казалось, стоит ему сделать одно неосторожное движение — и этот пиджак расползется по швам. Глуховатым голосом незнакомец спросил, тут ли Антон Хвощ.

— Антон Хвощ занят большим государственным делом,— пошутил кто-то с крыльца.— Танцует с Верой Рачинской.

— Кликните его сюда,— попросил незнакомец.— Скажите, что его ждет Воробей.

— Да оно и по голосу слышно, что не соловей,— засмеялся все тот же шутник.— Сейчас мы доложим о вас его светлости Антону Хвощу.

В правой руке незнакомец держал небольшой чемодан. Поставил его на землю, достал из кармана пачку папирос и закурил. Когда вспыхнула спичка, все заметили какой-то острый, настороженный взгляд его глаз.

— А может, зайдете потанцуете? — предложила одна из девушек.— Там вы и с Антоном встретитесь.

— Ну что вы, в таком костюме! — запротестовал незнакомец.— Завтра мне заступать на первую смену. Я и оделся так, чтобы сразу с поезда к станку.

— А где вы работаете?

— В Минске. На автозаводе.

— Не знаете там Петра Михальца? Он работает в литейном.

— Ну что вы,— устало улыбнулся незнакомец.— Ведь это такая махинища, народу там целая армия. В своем, сборочном, и то не всех знаю.

Незнакомец не проявил никакого желания узнать, кто такой Петр Михалец и какое отношение имеет к девушке. Он заметно нервничал, нетерпеливо и внимательно вглядывался в каждого, кто выходил на крыльцо. Наконец схватил чемодан и отошел с ним в тень, прячась от любопытных и внимательных взглядов. Кто-то ему посочувствовал, пошел в сени и крикнул, перекрывая звуки баяна и шарканье ног:

— Антон! На выход, к Воробью!

— Вот это голос! — хрипло засмеялся в темноте незнакомец.— Такой и мертвого поднимет.

В избе-читальне тем временем баянист играл вальс «На сопках Маньчжурии». Антон Хвощ кружился в паре со звеньевой Верой Рачинской. Весь вечер Антон почти не отходил от Веры, и она тоже танцевала только с ним. Студенты минских вузов, проводившие летние каникулы в родной деревне, не могли понять, что хорошего нашла одна из первых колхозных красавиц, известная на весь район звеньевая, в этом нескладном с виду парне.

Антон не задерживался долго ни на какой работе. Был он и прицепщиком, и помощником комбайнера, и молотобойцем в кузнице. Одно время бросил колхоз и устроился проводником в пригородных поездах. И всюду, как говорят, работа валилась у него из рук. В последнее время он пристроился во второй полеводческой бригаде. Часто исчезал из дому на день — на два.

Председатель колхоза Орлюк даже пригрозил, что если он, Антон, не одумается и не свернет с кривой тропинки, то правление вынуждено будет принять самые строгие меры.

Мать Антона работала дояркой на животноводческой ферме. Два ее старших сына давно женились, жили отдельно, имели детей. Не раз мать говорила своему младшему, что и ему пора столковаться с Верой и сходить в загс. Девушка она умная, пользуется уважением не только среди своих подруг, но и у старых колхозников. Два раза ее вызывали на областное совещание передовиков в Молодечно...

— Не могу я, мама, пока жениться,— отвечал Антон.

— Почему?

— Рано еще.

— Хорошее рано!.. Твои сверстники уже отцами стали. Живут как люди. Вовремя спать ложатся, вовремя идут на работу. А ты бог знает где шатаешься до полуночи, а то и всю ночь. Ох, не нравится мне все это, Тоник! И дружба твоя с неизвестными людьми, выпивки... Подведут они тебя под монастырь...

— Сколько раз пытались, да ничего не вышло... И вообще надоело мне все это! Вот возьму и подамся куда-нибудь на Урал или в Сибирь, как другие хлопцы.

— Разве тебе тут, дома, работы не хватает? Хочешь меня одну бросить?

— Почему бросить? Обживусь там и вас заберу.

— Никуда я отсюда не поеду.

Эти разговоры иногда доводили Антона чуть ли не до бешенства. Мать никак не могла понять, что творится с сыном. Она с тревогой встречала его, когда он возвращался на рассвете, часто мокрый по пояс от росы, какой-то усталый и опустошенный, как будто целые сутки ворочал тяжелые камни. Его зеленоватые глаза бессмысленно блуждали, темные волосы были взлохмачены, от него несло самогонным перегаром...

Сейчас, когда во второй раз крикнули, чтобы Антон вышел на минутку к Воробью, он вдруг нахмурился и как-то судорожно стиснул руку Веры. Она едва не вскрикнула от боли и испуганно взглянула в глаза Антону. Он был почти на голову выше ее. Танцевать с ним было легко, она чувствовала себя пушинкой, подхваченной ветром.

— Кто этот Воробей? Зачем он тебя зовет? — удивленная каким-то недобрым огнем, блеснувшим во взгляде Антона, спросила Вера.

— А я откуда знаю? — буркнул Антон.— Может, хочет, чтобы я проломил его поганый череп.

— Ты что, с ума сошел? Жить в своем доме надоело?

— И ты меня учить будешь!

Антон внезапно бросил руку Веры, почти оттолкнул девушку от себя и стал выбираться из круга танцующих к двери. Сердце Веры сжалось от незаслуженной обиды. Как назло, баянист вдруг прервал вальс и стал играть марш. Все обступили Веру, две подружки подхватили ее под руки и стали бранить Антона за грубость. Виктор Гомонек, студент института физкультуры, рослый широкоплечий парень в голубой шелковой тенниске, не то в шутку, не то всерьез предложил:

— Хочешь, Вера Петровна, я его вызову на дуэль? Конечно, с условием, чтоб он попросил у тебя извинения за свою выходку.

Нашлись и такие, которые стали защищать Антона. Может быть, Вере показалось, что ее толкнули? В другой раз пусть знает, кого выбирать партнером. Когда тебя срочно вызывают, забудешь о всякой вежливости. Конечно, парень должен был попросить извинения...

— А что там у этого Воробья, или как его там зовут, дом загорелся? — запротестовал Виктор Гомонек.— Ведь Антон не пожарный, чтобы сломя голову мчаться по первому сигналу! Не нравятся мне такие фокусы. Да и что за нравы, когда человек свое «я» ставит выше всего! Дикие пережитки капитализма...

Вера не стала никого слушать и одна вышла на улицу. Августовская ночь была темная, душная. На огромном черном пологе неба трепетали зеленоватые искры звезд. За деревней приглушенно рокотал трактор. Он, как видно, поднимался на пригорок — небольшое и низкое зарево от фар с каждой минутой все шире разливалось по небу. Вскоре два слепящих луча осветили улицу.

Кое-где стали видны отдельные группы и парочки молодежи, расходившейся по домам. Кто-то затянул песню:

Охти мне, ох,
На болоте мох.
Парень по дивчине
Семь годочков сох...

Вера узнала голос Виктора Гомонька. Его душевный тенорок трогал сердце, тревожил взволнованную происшедшим в избе-читальне душу. Дважды в этот вечер Виктор подходил к Вере, приглашая ее на танец, и каждый раз она ему отказывала. Отказывала, боясь обидеть Антона. За последнее время что-то недоброе творилось с ним. Он не раз говорил и Вере, что уедет отсюда навсегда, что снова вылезли на свет люди, которые не дают ему жить... Эта тревога прорывалась у него помимо воли в минуты внезапной откровенности. Когда Вера удивленно спрашивала, кто и чем ему мешает, Антон, вдруг спохватившись, замолкал и переводил разговор на другую тему.

Вскоре песня о парне, который «семь годочков сох» по девушке, замерла вдали. Кое-где заскрипели калитки, захлопали двери в избах. Скользнув длинными яркими лучами света по притихшей деревне, трактор развернулся и исчез за горкой. А Вера не спешила домой. Медленно прошлась она возле избы Антона. Ни в одном окне огня не было видно. Антон или лег спать, или еще не вернулся домой. Тихо и темно было и в соседнем доме лесника. Вера дошла до своей избы и присела на лавочку перед палисадником.

В это время она услыхала гул мотора. Но то был не трактор и не автомашина. Зародившись где-то далеко, этот гул все усиливался, приближаясь к деревне. Вера подняла голову и стала вглядываться в звездное небо.

Там шел самолет. Вера проследила его полет по гулу мотора. Самолет почему-то шел без огней. А что, если навстречу ему вот так же будет лететь другой летчик? Ведь теперь не война, чтобы скрывать во мраке ночи свои крылья. Люди уже давно отвыкли от пулеметной стрельбы и взрывов бомб. Каждый занят своим любимым делом, у каждого свои радости и печали. Каждый сам избирает себе путь к счастью, но только не всегда оно дается легко и просто. Веру не однажды предупреждали, что не стоит ей водить дружбу с этим сумасбродным Антоном. Мало ли других красивых и рассудительных парней, которые после учебы остались работать в родной деревне либо пошли учиться дальше! Некоторые уже стали агрономами, учителями, офицерами. Приезжая иногда в родную деревню, они заходили к Вере, приводя этим в ярость Антона...

Внимание Веры привлекли торопливые, размашистые шаги. Показалась смутная фигура человека. Поравнявшись с избой Веры, он остановился, прислушался.

— Это ты, Антон?

— Я. Ты одна?

— А ты разве не видишь?

Он быстро подошел и сел на скамейку. Проговорил с каким-то облегчением и злобной радостью:

— Ну, один поехал уже к чертовой матери!.. Больше его никто тут не увидит. Вот если бы и остальных поразметало по свету или если бы они в трясине утопли, тогда нам с тобой можно было бы жить.

— О ком ты говоришь?

Антон настороженно оглянулся и, склонившись к Вере, прошептал:

— О тех, кто сжег усадьбу Давидовича. Если бы я его не предупредил, не жить бы ему и всей его семье.

— Откуда же ты об этом узнал?

— Они сами мне сказали.

Вера вся похолодела. По деревне ходили слухи, что в округе появилась банда бывших полицаев, которые за что-то возненавидели Давидовича... Она в страхе отшатнулась от Антона, вскочила со скамьи и тихо прошептала:

— Так ты их знаешь?.. Этих бандитов?!

Антон схватил ее за руку, но она вырвалась, проговорила с отчаянием и презрением:

— Отойди от меня! Не дотрагивайся!.. Теперь я знаю, кто ты такой! А я думала, что ты несчастный человек. Оторвался от земли и неба не достал. Любила тебя! Да с тобой страшно жить в одном доме. Еще зарежешь ночью... Научились, сволочи, у гитлеровцев истязать женщин и детей!.. Жечь их живыми в гумнах!..

— Вера!

— Слушать тебя не хочу!

Он вскочил со скамейки, приблизился к ней. Прошептал с угрозой:

— Не хочешь слушать живого, так увидишь, какой я тихий буду сейчас. И пусть это ляжет на твою душу... Я мечтал уехать куда-нибудь подальше от этих волков, начать новую жизнь, работать... Я мечтал, что мы уедем вместе с тобой. Я медлил только потому, что люблю тебя. А теперь мне незачем больше уезжать. Все кончено... Ну что ж, одним дураком меньше будет на свете!.. Только я говорю тебе: я не тот, за кого ты меня принимаешь. Ты только подумай, сколько мне было лет, когда здесь хозяйничали оккупанты. Тринадцать! Я их, этих полицаев, увидел позже, в лесу. Они пригрозили, что зарежут меня, мать, братьев, если я пикну где-нибудь хоть слово, если не буду приносить им в условленное место еду и махорку. И я им носил и еду, и махорку, и самогон. Это я говорю только тебе. Больше ни-

кому. Даже моя мать ничего не знает. Все время я старался вырваться из их когтей. Заявить в милицию теперь? Так ведь там у меня спросят: а почему ты, сукин сын, столько лет молчал?.. Поняла?.. И в тот же день мне придется расстаться, может быть, на долгие годы, и с матерью, и с тобой... Потому что я завяз по самые уши, и теперь мне никто руки не протянет, чтобы спасти. А мне так хочется жить, работать, видеть тебя рядом каждый день, каждый час!.. Я тебе сказал все. Теперь делай, как считаешь нужным. Прощай...

Пока он говорил все это каким-то лихорадочным шепотом, Вера взяла себя в руки, успокоилась. Ей стали понятны его постоянно хмурый взгляд и вечное беспокойство. Из всех парней, которых она знала, он один, как говорится, был со странностями. Антон, сам того не желая, попал в хитро расставленную опытными негодяями ловушку. И, ошеломленный, он теперь, как слепой, ничего не видит. А выход, убеждала она Антона, есть. И очень простой. Пойти в район и рассказать кому следует все начистоту. «Была, дорогие товарищи, ошибка, и вот я признаюсь в ней...» Бороться нужно с мерзавцами, а не бежать, не оставлять их на свободе.

Он слушал молча и был какой-то безразличный, вялый. Даже не осмеливался обнять ее, как когда-то прижать к себе. Тогда она схватила его за локоть, потянула к скамье.

— Посидим еще немножко,— прошептала она тихим и ласковым голосом.— Вот увидишь, все будет хорошо. И эти твои руки принесут еще много пользы, глупый!.. Ты видел, как теперь летают самолеты? Без огней.

— Нет. Я только слышал, как он летел.

Где-то неподалеку тихонько, но настойчиво постучали в окно. В тот же момент яростно залаяла во дворе лес-

ника собака, чуть не сорвалась с цепи; проволока, по которой скользила цепь, тревожно загудела. Видимо, во двор зашел кто-то чужой. Минут через пять в сенях лесника стукнула дверь, в окнах вспыхнул свет. Но вот он исчез сначала в одном окне, потом в другом. Окна кто-то торопливо завешивал одеялами.

Только собака еще долго не могла успокоиться. Ее злобное рычание Вера слышала до тех пор, пока не рассталась с Антоном и не пошла в избу.

НАСТОРОЖЕННОСТЬ

Председатель сельсовета Стахевич вышел из дому в отличном настроении. Возможно, вызвано оно было хорошей, солнечной погодой, так нужной для уборки. Летом, как говорится, день год кормит. Жатва и молотьба в колхозах шли успешно. Некоторые бригады начали уже сеять рожь.

По дороге в сельсовет Стахевич здоровался с людьми, спешившими в поле. Навстречу шла Вера Рачинская со своим младшим братом Костиком. Шагая рядом с сестрой, Костик рассказывал о чем-то интересном и в то же время не преминул, скорчив презрительную рожицу, показать язык одному из своих сверстников, который с еще заспанными глазами выглянул через окно на улицу. Вера сегодня была какая-то задумчивая и рассеянная. Она сдержанно поздоровалась со Стахевичем.

— Как льняные дела, Вера? — поинтересовался Стахевич.— Много еще осталось молотить?

— Сегодня кончаем, товарищ председатель. Орлюк сказал, что завтра нужно приниматься за кукурузу. Теперь одна работа другую торопит.

— Ну что ж, желаю успеха,— улыбнулся Стахевич.— Увидишь Орлюка, скажи, чтобы вечером зашел ко мне.

Не успел Стахевич сделать и пяти шагов, как услышал за своей спиной возбужденный голос Костика:

— А он в воскресенье поймал здоровущую щуку... Во-о такую длинную. Полпуда и пятьсот граммов!..

Стахевич едва не рассмеялся от этого безбожного Костиного вранья. Он в самом деле ходил вчера на рыбалку, но пойманная им «огромная» щука весила всего два килограмма с половиной. Такой вес, видимо, никак не удовлетворял Костика, и он для большего эффекта добавил еще шесть килограммов...

На эмтээсовской электростанции зачихал и раза три гулко кашлянул движок. Из трубы над потемневшей железной крышей вырвалось несколько клубочков густого дыма. Они медленно поднимались в ясную и теплую синеву неба. Откашлявшись, двигатель задышал сильно и равномерно, на всю свою мощь. Дым над трубой постепенно редел и вскоре уже напоминал белое облачко. Стая голубей кружилась над ремонтной мастерской, над длинными навесами для сельскохозяйственных машин. Из белостенного гаража выехала грузовая машина. Шофер вылез из кабины и пошел закрывать дверь. Вторая машина с бочками для горючего стояла возле конторы.

Стахевич вспомнил первые дни после своего возвращения из армии. Ничего этого тогда здесь не было. Кругом стояли землянки с едва заметными окошками. В МТС было всего пять исправных тракторов, две молотилки... А теперь не узнать Вязыни. Люди перебрались в просторные, светлые избы, дети шумной гурьбой бегают по утрам в школу. В каждой семье есть хлеб, есть и к хлебу...

Не успел Стахевич дойти до сельсовета, как увидел, что навстречу ему почти бегом спешит Нина, секретарь.

— Только что звонил Зоров. Просил, чтобы вы немедленно приехали к нему. Из МТС идет машина. Я сказала шоферу, чтоб заскочил за вами в сельсовет.

— Ты у меня молодчина! — засмеялся Стахевич.— Еще не знаешь, смогу ли я поехать, а уже заказала машину. Меня в канцелярии никто не ждет?

— Антон Хвощ зачем-то вас спрашивал. Посидел минут пять и ушел.

— Ну, этот прохвост всегда болтается в самую горячую пору. Опять, наверное, собрался куда-нибудь уезжать. Никакой справки на отходничество я теперь ему не дам. Пускай работает в колхозе.

Вскоре показалась машина. Громыхая пустыми бочками, она затормозила возле Стахевича и Нины.

— Привет начальству! — весело крикнул из кабины черный, как цыган, парень. Это был муж Нины, Женька.— Ну, кто ко мне, а кто на бочки.

— Я тебе покажу бочки, черт мурзатый! — пригрозила Нина.— Глянь в зеркало, на кого ты похож? Отправляла на работу — человек человеком был, а теперь весь нос в автоле, правая щека будто в саже. И как это автоинспекторы позволяют ездить таким чумазым шоферам?

— А вот и позволяют,— вынимая из кармана небольшое зеркальце и вытирая лицо, ответил Женька.— Понимают, что от сахарных ручек и личика на такой ответственной работе, как моя, добра не жди. Эти пятна — самое верное свидетельство, что машина протавочена и заправлена перед самой поездкой. Таким шоферам всегда зеленая улица. И мое счастье, что тебя, Ниночка, не назначили инспектором. Ты бы в один день у всех шоферов поотнимала права.

— Поговори мне тут...— шутливо надулась на мужа Нина.— Поезжай уж... И, смотри, не задерживайся после работы.

— Беда для мужа, когда его жена в начальниках ходит,— почти всерьез пожаловался Женька Стахевичу, едва машина тронулась в путь.— Еду это я вчера за запасными частями в Минск, а она, Нинка, выходит на крыльцо и строго так спрашивает: «Ты воды в карбюратор налил?» Я засмеялся и отвечаю: «Воду наливают в радиатор, а не в карбюратор! Сколько раз тебя поправлять?» Так она даже и виду не подала, что говорит несуразное. «Это все равно, карбюратор там или радиатор. Главное, чтоб машина не стала в дороге».

Стахевич почти не слушал Женькиной болтовни. Навстречу неслись перелески, темно-зеленые поля картофеля. По золотистому морю овса плыл красный самоходный комбайн. Там, где он прошел, оставались только ржище да кучи блестевшей на солнце соломы. Дорога то взбегала на высокие пригорки, то опускалась в широкие ложбины с пестрыми стадами коров на влажных еще от росы лугах. Когда машина приближалась к перекрестку, Стахевич увидел, как из густого березника вышел человек в милицейской форме и подал знак остановиться. На груди у него висел автомат.

— Лейтенант Михайлов,— нажимая на тормоз, сообщил Стахевичу Женька.— Только чего это он вдруг с автоматом?.. Э-э, да он тут не один! Вон в кустах и другие хлопцы. Наверное, случилось что-то. Я сам после войны служил в войсках МВД. Такие проверки делаются лишь в чрезвычайных случаях.

Тем временем Михайлов, придерживая правой рукой автомат, медленно подошел к машине, окинул строгим и настороженным взглядом людей. Узнав Стахевича и Женьку, скупо улыбнулся и озабоченно спросил:

— В кузове никого чужого нет?

— Пять пустых бочек, — попробовал пошутить Женька.

Михайлов однако не отозвался на шутку, молча осмотрел кузов и только после этого разрешил ехать дальше.

Когда машина тронулась, а Михайлов, легко перепрыгнув придорожную канаву, опять скрылся в зарослях, Женька с уважением заметил:

— Он у меня никогда не спрашивает документов. Да и зачем ему документы, если он тут всех как облупленных знает. Бывалый партизан! Видит, что на четыре аршина под землей делается. Интересно, с чего вдруг такая строгая проверка? Вы не знаете?

— Откуда же мне знать?

— Говорят, что Черный Фомка снова ожил. Как будто его тогда не поймали, и он со своей бандой перекочевал в наш лес. Так, может быть, милиция его выслеживает...

Машина взбежала на пригорок, и перед ними, как на ладони, предстал районный центр с белыми баками нефтебазы на окраине, с красивыми двухэтажными зданиями школы, райисполкома и райкома партии, промтоварными и продуктовыми магазинами, районным Домом культуры. Сотни новых домиков поблескивали на солнце своими шиферными и черепичными крышами, стеклами окон. Над высокой трубой райпромкомбината вился легкий дымок.

Не доезжая до нефтебазы, Стахевич спрыгнул с машины и направился к Зорову. В дежурке сидел незнакомый парень с погонами старшего сержанта и что-то записывал в небольшой блокнот. Стахевич поздоровался с ним и сказал, что ему нужно поговорить с начальником. Начальник вызвал его по важному делу.

— По важному делу? — на миг оторвавшись от своего блокнота, переспросил старший сержант.— А вы сами откуда? Документы какие-нибудь есть при себе?

Стахевич подал свой паспорт и объяснил:

— Я председатель сельсовета Стахевич.

— Слыхал такую фамилию,— просмотрев и вернув Стахевичу паспорт, сказал старший сержант.— Только начальник сейчас очень занят. Подождите, пожалуйста, на крыльце. Освободится — позову вас.

Стахевич вышел на крыльцо и закурил. В это время к крыльцу подкатил новенький «ГАЗ-51». Шофер выскочил из кабины и торопливо прошагал в дежурку. Минут через пять он выбежал оттуда, а за ним, как из развязанного мешка, повалили люди в милицейской форме и гражданской одежде, вооруженные кто винтовкой, кто автоматом. Оживленно разговаривая, возбужденные, как видно, важным событием, они заполнили кузов грузовика. На крыльцо вышел майор Зоров. Он махнул рукой шоферу, и машина рванулась с места.

Стахевич встал со скамейки.

— Я к вам, товарищ майор. Мне передали...

— А-а, товарищ Стахевич,— устало улыбнулся Зоров и, здороваясь, протянул ему свою широкую ладонь.— Заходите, пожалуйста.

В кабинете Зорова было накурено. Начальник что-то недовольно пробормотал о каких-то «чертях», открыл форточку и, сев на диван, некоторое время молчал, как будто собираясь с мыслями.

На вид Зорову было лет под пятьдесят. В органах безопасности он стал работать сразу после 1939 года. Во время Великой Отечественной войны был на фронте. Семья, которую он не успел вывезти, оказалась на занятой врагом территории. Гитлеровцы расстреляли жену, дочь, спасся только старший сын Женька, который

бежал к партизанам. Война и эта страшная семейная трагедия прежде времени выбелили когда-то черные как смоль волосы Зорова, прорезали глубокие морщины на высоком лбу. Единственным утешением Зорова оставался сын, который после войны окончил Минский медицинский институт и сейчас работал главным врачом в местной больнице. Сын уже обзавелся семьей, в которой и жил теперь Зоров. Возвращаясь домой, майор иногда заходил в магазины, чтобы купить какую-нибудь новую игрушку или коробку конфет. С позапрошлого года он стал дедом беспокойной внучки Зиночки. Зная это, Стахевич не удивился, когда Зоров вдруг достал из кармана кителя пеструю металлическую бабочку на резиновой нитке и стал потряхивать ее перед собой.

— У вас, Стахевич, есть дети?

— Есть, товарищ Зоров. Двое.

— Это хорошо. Большое счастье для человека, если его ждут дома, особенно малыши...— как бы вспоминая что-то, заговорил Зоров.— Вот вернетесь вы из местечка, и они, наверное, крик поднимут от радости, едва увидят вас через окно... А как им обидно, когда вы опаздываете на какой-нибудь час. Они не хотят тогда ни ваших конфет, ни игрушек. Они хотят видеть только вас!.. Меня, товарищ Стахевич, ждали дома целых два года. Это было во время войны. Я опоздал еще на год. Вместо трех человек нашел одного. Оставлял его, как говорится, малышом, а встретил солдата-партизана... Но разве все могут быть солдатами? Например, ваши дети, моя Зиночка...

Стахевич понимал Зорова. Он сам был в армии, правда, тогда еще неженатый. Он слышал о диких расправах гитлеровцев со стариками, женщинами, детьми. У Стахевича тогда тоже было чувство, что он может опоздать домой и никого там не найдет в живых,

Зоров вдруг нахмурился, сгреб рукой бабочку и сунул ее в карман.

— Я пригласил вас, товарищ Стахевич, вот для чего,— заговорил он, вставая с дивана и подходя к столу.— Сегодня ночью над нашим районом пролетел чужой самолет. Путь его был такой...

Стахевич встал и тоже подошел к столу, где лежала развернутая карта Белоруссии.

— Смотрите сюда. Вот Гродно, тут Молодечно, Вилейка, Илья. Вот ваш сельсовет, над которым он тоже пролетал. Потом самолет сразу повернул на запад. Надо думать, что это не обычная прогулка. Тем более, что там, на Западе, хорошо знают, чем кончаются такие прогулки над нашей территорией. Видимо, им до зарезу нужно было сбросить тут или очень важных людей или какой-нибудь груз. Правда, мы приняли кое-какие меры, но и вам нельзя оставаться в стороне. Присматривайтесь, не появятся ли незнакомые, чужие люди... Делайте все осторожно... Не торопитесь, но и не опаздывайте...

Минут через пять Стахевич вышел из кабинета Зорова. Нужно было скорей попасть на нефтебазу, чтобы застать там Женьку.

НОВОСТИ С ВОЛЧЬЕЙ ГРЯДЫ

Два дня Вера не встречалась с Антоном. После того бурного разговора он, казалось, нарочно старался не попадаться ей на глаза. Может, она тогда, разволновавшись, наговорила ему много жесткого, оскорбительного? Но иначе она не могла. Антон помогал врагам, тем самым, которые расстреляли ее отца. Его схватили за связь с партизанами, скрутили веревками руки и увезли в Вилейку. Особенно тогда старался выслужиться перед

оккупантами полицай с узким длинным лицом, которого люди прозвали Черным Фомкой. В поисках оружия он вспорол все сенники, все подушки, перевернул вверх ногами все в чулане и на чердаке...

Самой идти к Антону ей не позволяла девичья гордость. Мало ли что могут подумать люди! Да и Антон может задрать нос. Ага, сама набивается в жены! Начнет хвастать перед парнями, что девушки за ним бегают. Однако услышанная от Антона страшная новость не давала Вере покоя. На третий день вечером она позвала Костика и дала ему записку.

— Отнеси Антону и подожди ответа. Только смотри, чтоб его мать не заметила.

Последние слова насторожили Костика. Ага, выходит, дело тут не совсем обычное. Тайна какая-то... Разумеется, он посчитал нужным выполнить такое важное поручение с особой осторожностью. И первым делом записку надо было спрятать так, чтоб ее в случае чего не смогли найти. Костик вытащил из-под кровати свои старые ботинки, отодрал в одном из них стельку и спрятал под нее секретную записку. Пристроив стельку на место, он надел ботинки и только после этого вышел на улицу.

Солнце уже давно зашло, и легкий полумрак окутывал избы и приусадебные деревья. Костик решил идти задами. Оттуда можно выбрать самые удобные подходы к дому Антона. Он слыхал от взрослых, что партизаны часто заходили в крайнюю хату и уже потом, все разведав, шли дальше. Крайней была изба лесника Жибурта. Костик его недолюбливал и поэтому решил в избу не заходить, а задержаться и осмотреться в огороде. Короткими перебежками добравшись до огорода, Костик спрятался в картошке и стал прислушиваться. Он теперь был один под темным небом.

С запада надвигались тучи. Зеленоватые звезды одна за другой скрывались за ними. На лугу торопливо заскрипел своим пронзительным голосом дергач. Из лесу долетел гулкий и какой-то торжествующе-грозный хохот совы. Хотя Костик и считал себя самым смелым и отважным мальчишкой в деревне, но от этого хохота, признаться, у него в груди похолодело. Вдобавок вдруг подул, вырвавшись из-за построек, ветер. Картофляник сразу ожил и зашевелился. Костику показалось, что он слышит осторожные шаги. Кто-то подкрадывается к нему, раздвигая в стороны густую ботву. Сейчас вот протянет свои сильные жилистые руки и схватит его за горло. Костик чуть не закричал и вскочил на ноги. Вскочил и тотчас же испуганно снова присел в борозду...

Со стороны леса по узкой тропинке, которая разделяла два соседних приусадебных участка, в самом деле кто-то шел к двору лесника. Костик теперь уже хорошо слышал тяжелые шаги и даже разглядел в темноте две сгорбленные человеческие фигуры — должно быть, люди несли что-то на плечах. Костик весь съежился, боясь, как бы его не заметили. От него до тропинки было не больше пяти шагов. Костик ждал, пока пройдут эти люди. Тогда он вскочит и помчится домой.

Шаги, однако, затихли как раз возле него. Люди остановились. Один из них тяжело дышал и, видимо, чтобы отдохнуть, сбросил с плеч свою поклажу. Она глухо шлепнулась о землю. Незнакомцы заговорили, но Костик ничего не мог разобрать. У самых его ушей перешептывалась с ветром черная густая ботва. Только одно слово уловил Костик: «парашют»... Человек, который его произнес, слегка шепелявил — вместо «парашют» сказал «парасют»... И Костик сразу же узнал одного из неизвестных — лесника Жибурта. Голос у него был немного хриплый, верно, простуженный. Другой го-

ворил шепотом и так торопливо, что Костик никак не мог определить, кто это. Одно только понял: эти люди таятся, стараются, чтобы их никто не видел и не слышал...

Время тянулось очень медленно... Костик боялся пошевелиться в своем убежище. Может быть, неизвестный — один из бандитов, которые подожгли хутор Давидовича? От таких, если они узнают, что ты подслушиваешь их разговор, пощады не жди. Но лесник!.. А может, и он в одной с ними компании?.. В случае чего они оба набросятся сейчас на Костика, и тогда уж не играть ему в футбол, не лазить в кабину к Женьке, не ходить в школу... От этой мысли у Костика мелко застучали зубы, в ушах зазвенело. Казалось, еще минута — и его сердце не выдержит этого напряжения...

— Ну, мне пора...— наконец, как сквозь сон, донеслось до Костика.— Если будут какие-нибудь новости, так Антон...

Шаги начали удаляться. Одни в сторону деревни, другие — к усадьбе. Костик приподнял голову. Людей уже не было видно в ночной тьме. На дворе лесника залаяла собака, но сразу же умолкла, видимо, узнав хозяина. Тогда Костик, стараясь не дышать, пригибаясь, начал выбираться из лесникова огорода. Потом он выпрямился и во весь дух помчался к своему дому.

Мать уже спала, когда Костик влетел в избу. Вера сидела за столом и что-то писала. Увидев Костика, она подала ему знак не шуметь и удивленно спросила:

— А где твоя фуражка?

Костик растерянно провел рукой по волосам: фуражки в самом деле не было. Он, как видно, потерял ее в лесниковом огороде.

— И запыхался ты, и страшный какой-то, как будто за тобой гнались. Что случилось? Ты видел Антона?

— Не-е-т... я к нему не заходил... Если бы ты знала, Вера, что я тебе скажу...

Костик сел возле стола и шепотом стал рассказывать о встрече на лесниковой усадьбе. Слово «парашют» сразу насторожило Веру. Она вспомнила ночной лай собаки во дворе лесника после того, как пролетел самолет, осторожный стук в окно.

Очевидно, неспроста расставлена в округе вооруженная охрана. Между всем этим должна быть какая-то связь!

Улегшись на кровать в боковушке, Вера долго не могла уснуть. Все время ей казалось, что кто-то ходит по их двору, подкрадывается потихоньку к окнам, заглядывает в избу. И почему вдруг исчез Антон? А может, он уехал, ничего ей не сказав, навсегда? Как сделал тот, что назвал себя Воробьем. Ему нужны были на дальнюю дорогу деньги, а Антон дал ему триста рублей. Дал, чтобы только он в их деревне больше не появлялся...

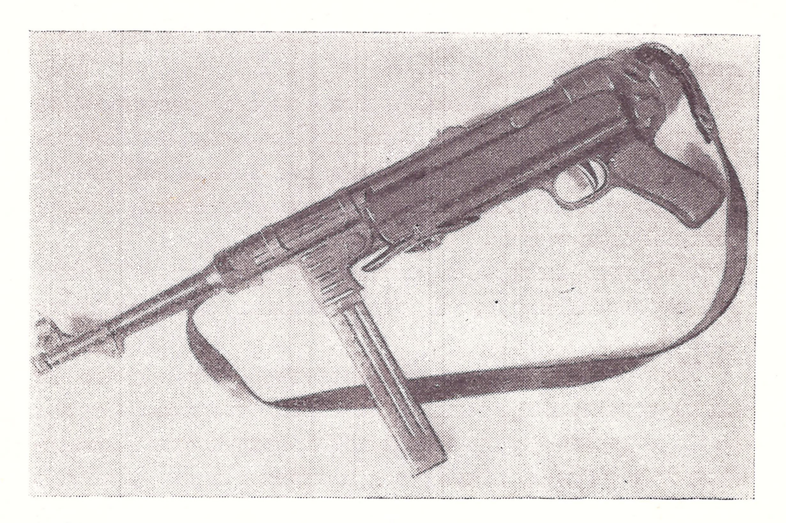
Проснулась Вера от легкого стука в окно. Вскочив с кровати, она некоторое время не могла прийти в себя. В комнате было еще темно. Только разноголосое пение петухов возвещало о скором наступлении нового дня. По стеклу снова осторожно забарабанили. Вера подошла к окну и отодвинула занавеску. На фоне узкой полоски зари она различила фигуру человека. Тот, видимо, заметил или услыхал движение в избе и проговорил приглушенным голосом:

— Это я. Открой окно...

— Что тебе нужно?

— Открой, говорю,— уже нетерпеливо повторил он.

Вера откинула крючок и открыла одну створку окна. В боковушку потянуло прохладным и влажным воздухом. Моросил дождь. Он едва уловимо шелестел в поса-

Немецкий автомат, которым был вооружен американский шпион, заброшенный на территорию БССР.

женных перед окном цветах. Вторую створку Антон открыл сам. Просунув голову в комнату, он прошептал:

— Твои спят?

— Спят.

— Ну так вот что... Я только что оттуда. Знаешь, о чем я говорю?.. Там появился новый человек, и я разговаривал с ним. Нужно немедленно что-то делать. Может быть большая беда! Ты открой сени, я зайду, а то тут нас могут увидеть...

Не зажигая лампы, Вера быстро оделась, прошла на цыпочках через комнату, где спали мать и Костик. Плотно затворила за собой дверь в кухню.

Антон, не поздоровавшись с нею, взволнованно стал рассказывать обо всем виденном и слышанном за последние дни. Теперь ему уже нельзя медлить ни одной минуты. Человек, с которым он сегодня встретился, прибыл

из-за границы. У него немецкий автомат, пистолеты, много патронов. Полицаи хвастались, что незадолго до встречи он переслал им шестнадцатизарядный бельгийский пистолет, пять тысяч рублей денег и две антисоветские заграничные газетки. Фамилия его Слуцкий. Он хочет, чтобы эти бывшие гитлеровские прислужники дали теперь новую присягу...

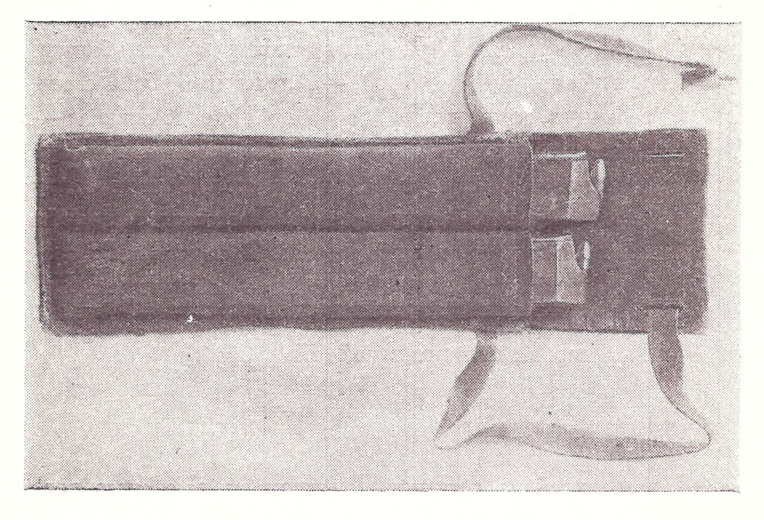
— Какую присягу?

— Ну как ты не понимаешь! Присягу воевать.

— Воевать? С кем?

— Конечно, не с теми, кто его сюда прислал. Он сказал, что этих четырех полицаев он считает ядром какой-то «освободительной» армии. Он и меня уговаривает вступить в эту его армию... Нам нужно сейчас же сообщить кому следует. Только...

Он не закончил, как будто у него перехватило дыхание.

Запасные обоймы, отобранные у Филистовича-Слуцкого при аресте.

— Что «только»?..

— Я тебе говорил. Мне страшно теперь идти туда одному. Знаешь, что мне часто приходило в голову? Прежде чем заявиться в милицию, достать оружие и перестрелять всех этих бандитов. Правда, они очень осторожны, не доверяют друг другу. Если и выходят из лесу на добычу, так обязательно вдвоем: боятся, что один кто-нибудь может не вернуться и донести на остальных, чтобы этим спасти свою шкуру. Мне почему-то они доверяют больше, чем своим. Может, потому, что у меня есть мать, братья, с которыми они могут расправиться...

— А у тех, кто борется против бандитов, рискуя каждую минуту своей жизнью, разве нет семей: родителей, жен, детей?! Глупости ты говоришь, Антон! Признайся лучше, что трусишь...

— Хорошо говорить, если ты их никогда не видела. Да тебя бы в дрожь бросило от одного взгляда. А новенький еще в десять раз страшней всей их банды. Страшней десяти таких банд!..— Антон помолчал с минуту, выглянул, приоткрыв дверь, во двор и сказал: — Я сейчас же иду в местечко, чтоб не видели люди. Могут найтись такие, что донесут бандитам, мол, Антон сразу из лесу помчался в районный центр. Там я подожду тебя в чайной. В милицию пойдем вместе. В случае чего скажи матери, чтоб знала, где я и за что там очутился. Все документы при мне.

— Хорошо. Жди меня в чайной.

ВАЖНОЕ ЗАДАНИЕ

Дед Алексей из деревни Понятичи за всю свою долгую жизнь никогда не отступал от закона. Если ему что было непонятно, он шел в сельсовет, в райисполком и

там выяснял, как надо поступать в том или ином случае. Сегодня дед Алексей пришел по срочному делу к начальнику милиции. Правда, кое-кто из соседей его отговаривал. «Все обойдется, дед Алексей,— говорили ему,— как у других обходилось. А вот если начальник милиции узнает, что́ ты затеял, уж он тебе покоя не даст. И на твои семьдесят восемь лет не посмотрит, и на трудодни. Закон есть закон, и он существует не для того, чтоб ты его нарушал».

— Сам знаю, что делаю,— сердито отвечал на эти поучения старик.— Если ничего не получится в районе, так я самому Семену Михайловичу напишу. Он меня должен помнить. Целый год когда-то воевал кашеваром в его войске, пока не ранило меня под Бродами.

В годы Отечественной войны кто-то донес гитлеровцам о связях деда Алексея с лесными солдатами. Из района примчались полицаи во главе с Черным Фомкой. Как раз смеркалось. Дед Алексей, одетый в длинный желтый кожух с поднятым воротником, стоял возле своего двора, когда к нему подлетели двое саней с немецкими наймитами. Черный Фомка, заметив деда Алексея, крикнул:

— Эй ты! Где тут изба Алексея Кашевара?

— Алексея Кашевара? — переспросил старик, со страхом посматривая на вооруженную до зубов черношинельную банду.— Десятая, если считать мою первой. Глядите, там будут зеленые наличники...

Едва полицаи стегнули коней, дед Алексей бросился в избу и зашипел на своих:

— Скорее одевайтесь... Пока эти бобики разберутся в старостовой избе, мы еще успеем удрать...

В самом деле, когда разъяренные полицаи вернулись и окружили Кашеваров двор, старика уже и след простыл. Уходя с семьей по кустам в лес, дед Алексей слы-

шал, как трещали оконные рамы и двери его дома. Но ему не жалко было добра: ни того, что осталось в избе, ни коровы, ни свиньи. Все счастье было в семье, которую он спас из кровавых гитлеровских когтей! Кончится война, и живой человек все, что ему нужно, добудет. Было бы здоровье!

В партизанах дед Алексей, вспомнив прошлое, стал кашеваром. Два его сына ходили в засады и на подрыв вражеских эшелонов. Старуха, сноха — жена старшего сына — и двое внуков жили неподалеку в гражданском лагере.

Война для всей семьи закончилась счастливо. Сыновья его дошли до Эльбы и даже ни разу не были ранены. Колхоз помог деду Алексею построить избу. Младший сын после демобилизации поехал учиться в Минск, окончил техникум и остался работать на тракторном заводе. Старший был бригадиром тракторной бригады. Внук деда Алексея отслужил в армии и теперь собирался жениться. Стали считать, кого пригласить на свадьбу. Набралось целых сто двадцать человек. То сваты, то кумовья, то двоюродные сестры и братья, племянники, а то и просто добрые соседи, недавние друзья-партизаны. Расходы будут немалые! Особенно много пойдет на вино. Поэтому дед Алексей и решил посоветоваться с начальником милиции, чтобы все делалось по закону.

Капитан Таруто, начальник милиции, сначала никак не мог понять, какое он имеет отношение к тому, что рассказывал ему дед Алексей. Хотите справить свадьбу? Ну и на здоровье! Пригласить на это торжество двадцать или сто двадцать человек? Пожалуйста! Хоть всю деревню, хоть весь район. Только бы не хулиганили, не дрались, как еще иногда бывает. А то выпьет человек на грош, а неприятностей — на целковый.

— С такими мы, товарищ начальник, и сами справимся. Не с этим я к вам зашел.

— А с чем же?

— Я же говорил, что гостей у нас набирается не меньше ста двадцати человек. Знаете, сколько на это нужно водки?

— Пока еще не знаю,— рассеянно ответил Таруто.

— Больше чем на две тысячи рублей. А можно, что будет и дешевле.

— Например?

— Свою водку сделать. Поскольку у нас такой праздник, так, я думаю, небольшой грех будет против государства, если мы немного и своего вина выгоним? А? Но чтобы наш участковый не очень придирался. А то уж очень он строгий у нас. У Суходревки на прошлой неделе побил аппарат, у Бусла вывернул всю брагу да еще протокол составил.

— У какого Суходревки, у какого Бусла? — удивился Таруто, уже теряя терпение.— Что-то мне участковый ничего о таких фамилиях не докладывал.

— Да ведь это не фамилии, а клички. Вот моя настоящая фамилия Савчук, а промеж собой люди называют Кашеваром. Да я и не в обиде. Даже горжусь, что у Буденного в кавалерии был кашеваром. А то у нас иной раз есть такие клички, что и слушать тошно...

Капитан Таруто, наконец, не выдержал:

— Ты вот что, дед Алексей, если еще не забыл свою военную службу: налево кругом марш со своими самогонными предложениями! Понял? Нашел дураков! А еще хвалишься, что служил в Красной Армии. Служить-то служил, да, к сожалению, видно, не научился там хлеб уважать, раз хочешь пустить его на ветер. Все! Можешь идти.

— Вот тебе и на! — обиделся дед Алексей.— Я хотел, чтоб по закону было, а тут, видать, доведется тайком...

— Я тебе покажу тайком! — уже в сердцах крикнул Таруто.— Не обеднеешь, если и в магазине купишь...

— Да, придется, видно, покупать,— недовольно проговорил старик, натягивая на голову картуз.

Взволнованный этим нелепым разговором, Таруто закурил папиросу и стал ходить по кабинету. В этот момент дежурный и доложил своему начальнику, что к нему пришли люди по очень важному делу.

— Пусть войдут! — все еще раздраженно сказал Таруто.

Первой вошла Вера, за нею, сняв свою кепку еще в дежурке, Антон. Антон сразу заметил нетерпеливость в движениях начальника милиции, его настороженный и выжидающий взгляд. С тех пор как Антон почувствовал, что его запутали бывшие пособники оккупантов, он старался не попадаться на глаза милиционерам. А теперь вот сам добровольно явился сюда. Сейчас начнется допрос: а почему, а как, а что?.. И нужно будет говорить только чистую правду, при Вере признаться в трусости... Хотя она уже многое о нем знает...

На Веру, как заметил Антон, начальник милиции посмотрел совсем по-иному. Даже улыбнулся и подал руку, пригласил сесть. Она, как видно, чувствовала себя здесь свободно, словно дома или в правлении колхоза. Перед тем как сесть, сама подошла к двери и плотно ее прикрыла. От этого черные брови начальника милиции взметнулись вверх, а голос вдруг стал тише.

— Я вас слушаю, товарищ Рачинская.

— Вы, товарищ Таруто, слышали, что банда Черного Фомки опять обосновалась недалеко от нас? — не сообщила, а скорее спросила Вера.— В ней четыре чело-

века. После того как пролетел чужой самолет, там появился и пятый...

Капитан милиции покосился на дверь и спросил почти шепотом:

— А вы откуда знаете?

Вера указала рукой на Антона:

— Он сегодня ночью был там. Даже разговаривал с незнакомцем.

Капитан откинулся на спинку стула. Плечи его удивленно поднялись.

— А вы кто?

— Наш колхозник,— ответила за Антона Вера.— Работает во второй полеводческой бригаде. Но он многое о них знает...

— Это правда? — спросил он у Антона.

— Правда, товарищ начальник. Для этого я и пришел к вам. Они...

Таруто движением руки остановил его, заторопился:

— Минуточку! Я сейчас позвоню в одно место. Там все и расскажете. По порядочку, подробно... Так... Дежурная?.. Соедините, пожалуйста, с кабинетом Зорова... Спасибо... Яков Романович? Говорит Таруто... Нельзя ли к тебе подскочить на минутку? Что?.. Тогда узнаешь! Хорошо!

Таруто положил трубку и надел фуражку.

— Вот оно что,— заговорил торопливо и неопределенно.— Интересно получается, если подумать. А тут мне целый час морочили голову самогонными делами да разными кличками... Тьфу, чтоб оно сгорело!

Эти загадочные и непонятные слова начальника милиции успокаивали и вместе с тем тревожили Антона. Он и опомниться не успел, как очутился перед дверью, в которую нетерпеливо постучал Таруто.

В кабинете было двое мужчин в гражданских костюмах. Зоров сидел за письменным столом перед раскрытой папкой с бумагами. Второй, с аккуратно причесанными волосами и глубоко запавшими карими глазами, примостился с газетой в руках на обитом коричневым дерматином диване. На нем был синий бостоновый костюм, желтые ботинки на толстой микропористой подошве. Это был полковник государственной безопасности Данила Николаевич Каленик, который несколько дней назад приехал из Минска.

— То, о чем мне только что говорили эти граждане, входит в вашу компетенцию, Яков Романович,— проговорил капитан Тарутo.— Выслушайте их, а я не буду вам мешать. До свидания!

Сообщение Антона и Веры насчет обитателей Волчьей гряды майор и полковник восприняли каждый посвоему.

— Ну, вот и все в порядке! — с облегчением вздохнул Зоров, когда Антон ответил на все вопросы.— Остается только окружить поскорее их логово и никого оттуда не выпустить. Главное — захватить живьем этого Слуцкого. Теперь нельзя терять ни минуты.

Каленик едва заметно улыбнулся, встал с дивана и подошел к окну, которое выходило в сад. Зоров был хороший хозяин. Ветви, сгибавшиеся под тяжестью крупных антоновок, были старательно подперты кольями. Нигде, ни на одном дереве не заметил Каленик сушняка. На приствольных кругах — ни травинки. Такой же аккуратный был и небольшой, чисто подметенный дворик, в глубине которого виднелся сарайчик с широкой дверью. Шофер Каленика — Афанасенко, раздевшись до пояса, мыл «Победу».

Все это только на мгновение отвлекло внимание полковника. Зоров тем временем подал Антону несколько

листов бумаги и предложил ему подробно написать о том, что он только что рассказал.

— Я сейчас проведу вас в отдельную комнату и дам человека, который вам поможет. Разрешите, Данила Николаевич, отлучиться на минутку?

— Пожалуйста.

Вскоре майор Зоров вернулся.

— Как вам, Данила Николаевич, это нравится? — обратился он к полковнику.— Неизвестное стало известным!

— А что вам стало известно?

— Ну, что парашютист этот — на Волчьей гряде и что фамилия его — Слуцкий. На допросе он признается, кто и зачем его сюда послал.

— Вы так думаете?

— Я уверен в этом. Главное — захватить его живым. И чем скорее мы это сделаем, тем будет лучше. Кто может поручиться, что он летел сюда один? Слишком большая роскошь рисковать экипажем, самолетом ради одного диверсанта...

— А вы знаете, какая поставлена перед ним задача?

— Пока не знаю,— искренне признался Зоров.

— Я тоже не знаю,— заговорил полковник.— Поэтому считаю, что трогать его еще нельзя. Мы не знаем даже его фамилии. Слуцкий? Чепуха! Скорее всего это псевдоним, кличка, которую он будет на допросе отстаивать, как свою настоящую фамилию. Теперь, Яков Романович, я хотел бы знать, кто его свел с бандой бывших полицейских? Ведь не мог этот человек, сидя за границей, знать, что они скрываются именно на Волчьей гряде. Как видно из рассказа Хвоща, это не постоянное место их дислокации. Стоит только кому-нибудь из колхозников появиться возле Волчьей гряды, как бандиты сейчас же перебираются в другое место. А на зиму они

разбредаются кто куда. Иначе мы их давно бы выловили. Так кто, ответьте мне, свел этого так называемого Слуцкого с полицаями? Вы можете назвать этого человека?

— Нет.

— Вот видите, Яков Романович. Значит, пока мы еще ничего не знаем. А знать мы должны все и главное — намерения врага. Я считаю, что нам нужно послать на Волчью гряду надежного человека. Тем более, что этот Слуцкий просил Хвоща подобрать несколько человек... Значит, расширяет банду. Хвощ тут упоминал о Воробье, который будто бы уехал на Дальний Восток. В действительности он задержан нами. На Волчьей гряде его никто не знает в лицо, слышали только, что есть такой в соседнем районе. И вот мы являемся под видом этого Воробья к Слуцкому...

— Мы, Данила Николаевич, рискуем жизнью своего человека,— нерешительно запротестовал Зоров.— Как сказал Хвощ, Слуцкий даже сам готовит себе пищу и ест из отдельного котелка, опасаясь измены. И спит отдельно от других.

— Тем лучше для нас. А что касается риска, так нам не привыкать к нему...

У Данилы Николаевича уже созревал план, который он должен был разработать и согласовать с генералом. Но прежде Антону Хвощу предстояло еще раз наведать Волчью гряду, чтобы договориться о «пополнении».

„ПРИСЯГА"

До последнего времени Антон считал наиболее опасным в банде Сергея Пакулича, или, как его прозвали,— Черного Фомку.

— Самое ненадежное в человеке — не голова, не его язык, а ноги,— часто слышал Антон от Черного Фомки.— От того, куда они его заведут, все зависит. Вот ты ходишь к нам — и живой, милуешься по вечерам с девчатами, чарку иной раз опрокинешь. А пойдешь, скажем, в другую сторону, с доносом на нас в милицию, так тебя уже и нет на свете! И братьев твоих нет, и мамы твоей родной, потому как разговор тогда у нас с тобой будет короткий, где бы ты ни спрятался. А-а?

— Ты дурак,— как можно сдержаннее отвечал Антон.— Если б я хотел на вас донести, так вы бы сейчас тут не разлеживались возле костра. Вы мне ничего плохого не сделали...

— Мы никому ничего плохого не сделали... Попробуй доказать, что я кого-нибудь зарезал. Не докажешь, хоть тресни! У нас закон, что у тех волков: никого возле своего логова не трогать. Но если ты тронешь нас, так уж заранее готовь себе гроб. А-а?

При этом длинное сухое лицо Черного Фомки суживалось еще больше, густые лохматые брови над узким носом сходились в одну сплошную линию, из-под которой зловеще поблескивали желтоватые глаза.

Антон не знал, откуда он, этот Фомка, родом. Среди них только Селивон Суконка был из одной с ним деревни. Колхозники говорили, что во время гитлеровской оккупации Селивона будто бы силком забрали в так называемую «самооборону». Он считался недалеким человеком, весь дрожал, как осиновый лист, когда на него набрасывался с руганью какой-нибудь немецкий ефрейтор. Если бы этот ефрейтор подал Селивону команду стрелять в родного отца, Селивон, наверное, тут же выполнил бы ее. Только одно всегда беспокоило Селивона — и когда он служил в «самообороне», и теперь, на Волчьей гряде,— это еда. Ел он, как не в себя. Жевал

хлеб или хлебал ложкой суп из своего котелка, а серенькие подпухшие глаза жадно смотрели в чужой рот, на кусок сала, который ел Черный Фомка или кто-нибудь другой из банды. Селивон всегда доедал остатки из чужой посуды, не стеснялся, оставаясь в лагере, обшаривать чужие мешки. Наевшись, он тут же, не сходя с места, ложился спать. Даже во сне толстые губы его жевали, а пухлые жирные щеки лоснились и вздрагивали. С каждым годом он тяжелел все больше, живот его, обвисая, выпирал вперед. Лицо и руки он мыл не чаще, чем раз в неделю, и то только тогда, когда его заставлял Черный Фомка.

— Ты, свиное рыло, не сядешь есть, пока не умоешься! — предупреждал Фомка Селивона.— Развел на себе вшей, так хочешь, чтобы они и на нас переползли! А ну, бери котелок и марш за водой!

Селивон долго топтался на месте, скреб под мышкой и за воротом и только после этого направлялся с котелком к лесному ключу.

В «Новой заре» у Селивона осталась бездетная жена, но он ни разу не ночевал в своей хате, боясь, что его поймают колхозники.

Двое других бандитов — Дорофей Тхорик и Адам Тропашка — покорно выполняли любой приказ своего атамана. Черный Фомка часто посылал их в разведку. Вооруженные спрятанными под одеждой обрезами, они пробирались волчьими тропами на край леса и тут, притаившись в кустах, поглядывали в сторону деревни. Завидя группу женщин или детей, которые с корзинками шли в лес, Тхорик и Тропашка следили за ними издали все время, пока те собирали грибы и ягоды. Часто, запыхавшись, эти сторожевые прилетали на место своей стоянки.

— Они идут сюда!.,

И тогда первым бросался в чащу Селивон Суконка. В такие минуты Селивон забывал и о еде, и о топоре, и о пиле, которые он должен был спасать в случае опасности. Напрасно на него шипели Черный Фомка и два других бандита. Суконка бежал до тех пор, пока не падал с ног от усталости. Однажды он добрый час просидел, забравшись в густой кустарник. Целые рои комаров облепили лицо и руки, пили его кровь, а он боялся пошевелиться, потому что в каких-нибудь двадцати шагах от него расселись ребятишки и начали долгий разговор о партизанских делах своих отцов. Хорошо, что над их головами зацокала белка. Мальчишки вскочили на ноги и стали бросать в нее шишками. Эта белка, перепрыгивая с дерева на дерево, отвела от Селивона детей. Иначе комары доконали бы его... С того времени он возненавидел всех, кто без оглядки мог ходить по лесу и останавливаться там, где ему вздумается.

Никто из них не любил вспоминать свое прошлое, даже детские годы, как будто у них никогда не было ни родителей, ни родного дома. Они боялись даже намеков на свою «деятельность» во время войны. Однажды вечером, основательно подвыпив, Тропашка стал хвалить Тхорика, дескать, тот метко стрелял при оккупантах. Тхорика от такой откровенности приятеля как будто кипятком обдало. Схватив обрез, он заорал в бешенстве:

— Ты, гитлеровская сволочь, лучше помолчи про мою стрельбу. Потому что я могу припомнить и твои развлечения. А их у тебя наберется как завязать! Ясно? Это кроме того, что ты делаешь сейчас. Ясно? Хочешь, чтоб я кое-что рассказал?

Черный Фомка едва их утихомирил. Вообще, если бы не Черный Фомка, так эта свора давно перегрызлась бы между собой и расползлась в разные стороны. Он всегда был настороже, а если и спал, то казалось, что

желтоватые глаза его видят все вокруг даже сквозь сомкнутые веки.

Антон сначала боялся этого желтоватого холодного огня в глазах Черного Фомки. Так иногда поблескивают ночью глаза волка, который подбирается к колхозному табуну. Заснут пастухи — и острые клыки зверя безжалостно вопьются в трепещущую грудь жеребенка. Зверь набрасывается на свою жертву внезапно. Но как же он пугается, сжимаясь весь от страха, в случае промаха!..

Несколько раз, подав условный сигнал (клохтанье испуганной тетерки), Антон прятался в густой куст или укрывался за толстым комлем дуба. Черный Фомка выходил на свидание настороженный, стараясь, чтоб не хрустнул ни один сучок под ногами. Увидев, что на условленном месте никого нет, Фомка вздрагивал и с каким-то растерянным видом мчался в спасительную чащу. Антон хохотал и выходил из своего убежища. Фомка, услышав знакомый голос, возвращался на условленное место и предупреждал:

— Ты, Антон, брось эти свои фокусы. А-а? Становись так, чтоб не ты меня, а я тебя первый всегда видел. Я заранее должен знать, кто к нам пришел...

— Вот если бы рассказать ребятам, как испугалось их начальство!

— Ну-ну, еще что выдумаешь! Они ж и так распустились. Если б не держать их в ежовых рукавицах, одно мокрое место от них осталось бы...

Антон шел теперь на Волчью гряду и вспоминал разговор в кабинете Зорова, затянувшийся до позднего вечера. Особенно подробно расспрашивал Антона человек в синем бостоновом костюме. Он хотел знать, как бандиты одеты, какое у них вооружение, когда они ложатся спать и когда встают. Антон должен был рассказать, кто такой Воробей, каков его внешний вид, какие

у него привычки, любимые словечки. Потом Данила Николаевич, как называл Зоров человека в штатском, опять попросил повторить приметы незнакомца, который недавно появился в банде: его рост, цвет волос, глаз, прямой или вздернутый у него нос, длинная или короткая шея. Ну и, конечно, как он одет, есть ли у него, кроме автомата, еще другое оружие. Его интересовало, о чем незнакомец говорил при Антоне, что отвечали ему бандиты...

Черный Фомка уже ждал Антона на условленном месте. После сигнала он сразу выскочил из-за густого орехового куста. Глаза Фомки светились каким-то необычным блеском. Антон передал ему папиросы, соль, две бутылки водки и предупредил:

— Ну, я, наверно, последние разы прихожу к вам...

— Это почему же? — недоверчиво прищурив желтоватые глаза, спросил Черный Фомка.

Антон выдержал его нетерпеливый и требовательный взгляд.

— Жениться задумал. Уже договорился с Верой. Вчера ездили в район, купили ей обновки и ручные часы.

Напряженный, острый взгляд Черного Фомки слегка смягчился. На тонких губах появилось что-то похожее на улыбку.

— Эх ты, жених! А я уже думал... Ну да черт с ним, что я думал! Хочешь посмотреть, как этот Слуцкий будет сейчас принимать от нас присягу? Какие-то сумасшедшие у него в голове планы!.. Пошли, сделаем после присяги по чарке — за новую армию. Жаль, что эта девка так быстро завлекла тебя в свои сети!..

Черный Фомка не договорил: навстречу шел Суконка.

— Скорее, Фома, в лагерь! — задыхаясь, проговорил он.— Новый командующий не дал нам даже допи-

лить сухостоину. Говорит, что пора справлять его обедню...

— Не обедню, а присягу принимать, чучело ты гороховое! — сухо оборвал его Черный Фомка.— Застегни штаны, а то пузо сейчас на мох вывалится. Спадар [1] солдат называется!..

На небольшой поляне в чаще ельника горел костер, возле которого лежали Тхорик и Тропашка. На палке висело над костром ведро, в котором варился ужин. Ветер, колыхавший вершины елей, почти не проникал сюда. Антон заметил у костра прикрытый алюминиевой крышкой котелок, с которого почти не сводил глаз Слуцкий. Антон исподтишка глянул на «командующего», думая, правильно ли рассказал полковнику о его приметах. Да, уши у него действительно маленькие, как у крота, сизоватые, нос короткий, словно обрубленный, лоб высокий и выпуклый. Бросался еще в глаза его подбородок, выдававшийся вперед, как сапожная колодка. Одетый в мышиного цвета плащ, с черным немецким автоматом на груди, Слуцкий сидел на пне и делал время от времени какие-то пометки в блокноте.

— А, спадар Хвощ! — складывая и пряча блокнот в полевую сумку, заговорил Слуцкий.— Как я заметил, вы самый аккуратный человек в нашей воинской части. Очень жаль, что мы не можем с вами пока что как следует понять друг друга. Но я надеюсь, что вы вскоре, как и надлежит истинному белорусу, присоединитесь к святому походу. Сегодня, спадар Хвощ, мы закладываем фундамент наших вооруженных сил...

Бурливое клокотание в закопченном котелке, к которому Тхорик подгреб кучу раскаленных углей, перебило эту возвышенную и не совсем понятную для Анто-

---

[1] Искусственное слово, созданное белорусскими буржуазными националистами. Соответствует русскому «сударь».

«Заграничный подарок», которым был вооружен один из членов банды Филистовича-Слуцкого.

на речь. Оратор бросился спасать свое варево, но его опередил Тхорик, отодвинувший котелок от костра.

— Ай-ай, как это вы недосмотрели, спадар Тхорик? — проговорил Слуцкий с упреком.— Сами знаете, что у меня плохое пищеварение, и мне нельзя есть переваренное или недоваренное. Не то опять, как в самолете, начнет тошнить...

Антон заметил, что движения Слуцкого были рассчитаны до мелочей. Сняв крышку, он заглянул в котелок, потом наклонил к нему короткий тупой нос, понюхал и уже с довольным видом опять закрыл. Посмотрел на ручные часы с черным циферблатом и желтыми стрелками и бросил коротко, но властно:

— Спадар капитан! Подготовьте людей к присяге.

— Есть, спадар полковник, подготовить людей к присяге! — гаркнул Черный Фомка.— Становись!

Тхорик и Тропашка сразу вскочили на ноги. Суконка остался сидеть на месте — он, как заколдованный, смотрел на ведро, на плававшие в кипящей воде кусочки сала.

— Суконка! — прошипел Черный Фомка.— Ты что, глухой?

— Так ведь переварится,— нехотя поднимаясь, ответил Суконка.— Можно было бы присягнуть и после ужина.

— Не разговаривать! Становись! Где твое оружие?

Суконка окинул равнодушным взглядом остальных вояк. У Черного Фомки торчал за желтым ремнем новенький шестнадцатизарядный пистолет — подарок Слуцкого. Тропашка и Тхорик украсили свои животы обрезами немецких винтовок. У одного Селивона ничего не было.

— Бери топор! — заметив замешательство Суконки, крикнул Фомка.— Скорее!

— Это даже символично,— одобрил приказ своего подчиненного Слуцкий.— Народ берет в руки топор, чтобы освободиться от большевиков. После принятия присяги мы сфотографируем этот момент и направим снимок в европейские газеты...

Черный Фомка, озабоченно осмотрев свое войско, доложил спадару полковнику, что для присяги все готово. Слуцкий, козырнув в ответ, достал из полевой сумки лист бумаги и начал читать текст. Вскоре он, однако, умолк, опустил руку с бумагой и проговорил удивленно:

— Я не слышу ваших слов. Вы не должны молчать. Повторяйте все за мной...

— Вы что, сволочи, разве не давали присяги немцам,

что не знаете, как это делается? Или языки у вас поотсыхали? — выругался Черный Фомка.— Повторять все до единого слова за спадаром полковником! Ягнятки невинные!..

Тхорик прищурил свои золотушные веки и внимательно посмотрел на Черного Фомку:

— Ты не очень-то, Фома... По одним мы с тобой тропкам ходим, одинаковая ждет нас награда. Ясно?

Слуцкий заторопился:

— Ай, спадары, спадары! Стоит ли в такой торжественный момент заниматься спорами, когда весь Запад смотрит на вас с надеждой и восхищением? Хватит ссориться! Пускай в нашем войске с этого дня царит любовь друг к другу и ненависть к нашим врагам. Так я, спадары, начинаю снова нашу святую присягу... Повторяйте...

В первые минуты Антон Хвощ подумал, что он присутствует на каком-то спектакле или видит глупый сон. Он раза три закрывал и открывал глаза, даже подошел ближе и прислонился плечом к шероховатому стволу ели, но дикая картина принятия так называемой присяги не исчезала. В ушах — гул нестройных и хриплых голосов. Правда, Суконку в это время беспокоило совсем другое. Он суетливо и озабоченно что-то выискивал заскорузлыми толстыми пальцами за своим воротником. Тихая радость засветилась на его давно не бритом лице, когда он поднес к глазам сложенные щепоткой пальцы и потом с наслаждением прижал друг к другу два черных ногтя. После этого он снова нахмурился и со злостью начал чесать под мышками...

— Все, спадары солдаты и офицеры,— объявил Слуцкий.— Теперь попрошу вас поставить собственноручную подпись на этом историческом документе.

Слуцкий достал из полевой сумки новенькую корич-

невую авторучку и первым расписался под текстом присяги. Потом положил бумагу на пень и подал авторучку Черному Фомке. Поправив на синей стеганке желтый ремень, Фомка наклонился над бумагой и быстро увековечил золотым пером свое имя.

— Спадар Тхорик,— подал он команду.— Расписывайся!

— Я неграмотный,— почему-то переглянувшись с Тропашкой, ответил Тхорик.— Не могу...

Черный Фомка нахмурился:

— Брось свои глупые шутки! Нашелся единственный неграмотный на Беларуси!

— Я тоже неграмотный! — поддержал Тхорика Тропашка.— Крестик еще могу поставить...

— Плевать мне на твой крестик! Расписывайтесь, время ужинать. К ужину есть две тепленькие бутылочки. Пока будете дурака валять, они и остынут.

«Войско» однако не отозвалось на эту шутку и на щедрое обещание. Оно просто-напросто оставило строй и двинулось к костру.

— Суконка,— крикнул все еще бодрым голосом Черный Фомка.— Четыре шага вперед!

Суконка не отказался и охотно выполнил приказ.

— Бери ручку.

Суконка взял ручку и стал ожидать дальнейших приказов.

— Расписывайся!

Суконка нагнулся и поставил на бумаге за десять километров от текста едва заметный крестик.

— Ну, это уже издевательство!..— выругавшись скверными словами, крикнул Черный Фомка.— Вчера на моих глазах писал записку своей Кате...

Лицо Суконки от этих слов сразу побагровело.

— Ты о моей Кате лучше помолчи! Думаешь, не

знаю, чем ты дышишь?.. Нашел дураков расписываться... Попадет эта метрика в МГБ,— так не захочешь ни этой твоей обедни, ни войска...

В этот момент послышался сильный шум, как будто сквозь заросли вдруг начали пробираться сотни людей. Где-то неподалеку хлопнул глуховатый выстрел, а потом грохнул взрыв, от которого вздрогнула земля. С вытаращенными от страха глазами, зацепившись ногою за палку, на которой висело ведро с варевом, и опрокинув его в огонь, Суконка рванулся подальше от этого грозного шума. Опрометью кинулись в разные стороны и остальные вояки. На месте остались лишь Антон и Слуцкий. Взяв на изготовку автомат, Слуцкий начал напряженно вслушиваться в лесной шум.

— Это, верно, дерево упало,— с любопытством наблюдая за поведением Слуцкого, проговорил Антон.— Я слышал, как треснул сук, как оно ударилось о землю.

Слуцкий достал из кармана платочек и вытер лоб.

— И мне так показалось, спадар Хвощ. И как раз в той стороне, где они пилили сухую ольху. Пройдите, пожалуйста, и посмотрите, так ли это. Держитесь прямо вон на ту березку.

Минут через пять Антон вернулся и сообщил, что ольха действительно лежит на земле.

— Ну, вот видите, спадар Хвощ,— хмуро заговорил Слуцкий,— как можно надеяться на такое войско, если оно сразу после присяги бросает своего командира, святое дело освобождения и думает только о своей шкуре? На первый раз я им дам строгий выговор, а во второй — буду расстреливать! Именем бэнээр [1]! Ну, а вы не подумали над тем, о чем я просил вас, спадар Хвощ,

---

[1] Так называемая Белорусская Народная Республика, существующая только в воображении буржуазно-националистической эмиграции.

прошлый раз? Нам дозарезу нужны солдаты. Вы говорили с надежными людьми?

— Говорил,— словно бы нехотя ответил Антон.— Есть один на примете. По кличке «Золотце». Настоящая фамилия Василевич, зовут Степаном. Правда, он скрывается еще под кличками «Воробей», «Куница». При немцах с карательными экспедициями жег партизанские села. Хорошо знает и эту местность.

— Такие люди нам как раз и нужны, спадар Хвощ. Ведите его сюда в любую минуту...

РЕШЕНИЕ ГЕНЕРАЛА

То, что майор Зоров считал завершением операции, для полковника Каленика было только началом. Еще на войне Данила Николаевич приучился искать и находить в любом случае наиболее верное решение. Почти с первых дней гитлеровского нашествия он командовал спецгруппой, заброшенной на самолете в глубокий тыл врага. На его глазах под руководством коммунистов создавались подпольные группы, партизанские отряды. Рядовые колхозники и учителя, трактористы и агрономы, рабочие и партийные работники Советской Белоруссии поднялись на борьбу. Ни днем ни ночью не давали они покоя чужеземным захватчикам. Пылали казармы и склады горючего, летели под откос эшелоны с боеприпасами и вооруженной до зубов солдатней. Напрасно оккупанты вырубали леса вдоль железных дорог, шоссе и вокруг своих гарнизонов, чтобы лучше видеть, как подбираются к ним с толом или пулеметами партизаны. Напрасно строили доты, опутывали колючей проволокой подходы к мостам и ставили всюду усиленные посты. Напрасно уничтожали, чтобы запугать народ, партизан-

ские семьи и целые села, расстреливали стариков, женщин, детей. Пламя всенародной борьбы с чужеземными захватчиками разгоралось еще больше. История не знала такого массового и беспримерного героизма, какой был проявлен нашим народом во время Великой Отечественной войны.

Гестапо и его верные помощники — белорусские национал-фашисты, всякие там островские, акинчицы, ермаченки, воспитанные Гитлером, лезли из кожи вон, чтобы забросить своих агентов в подпольные организации, партизанские отряды. Для этого были созданы специальные школы, готовившие шпионов, убийц и диверсантов. Якобы убежав из концлагерей или из-под расстрела, они являлись в ту или иную деревню, иногда даже в партизанский лагерь. Они прикидывались несчастными людьми, ограбленными, обездоленными, натерпевшимися от гестаповцев и полицаев. У некоторых из них были следы побоев, даже легкие огнестрельные раны... Все это делалось, чтобы вызвать сочувствие у сурового руководителя подпольной группы или у командира отряда, войти в доверие и потом делать свое грязное и страшное дело. Кто знает, сколько погибло мужественных советских патриотов из-за неосторожности и потери бдительности. Потому только, что в их среду пробрался провокатор или шпион. Не разоблачил ты этих агентов врага, не обезвредил их вовремя,— и тупорылые «юнкерсы» уже сбрасывают на партизанский отряд бомбы, тяжелые танки окружают лес, банды эсэсовцев и полицаев устраивают засады на подходах к железной дороге, врываются в дома подпольщиков и связных...

Правда, советская разведка почти каждый раз разгадывала намерения врага, заранее узнавала, какого «беглеца» или «обиженного» оккупантами человечка собираются подсунуть партизанам гестаповцы. А даль-

нейшее уже зависело от выдержки и характера тех, кому было поручено встречать этих вражеских агентов. Слишком поспешный арест настораживал их хозяев, а допрос без доказательств не давал нужных результатов: это были отпетые негодяи, которые умели держать язык за зубами. Они болтали обо всем, но только не о самом важном. Они умели прикинуться тихими и невинными ягнятами, которых случайно, по ошибке приняли за хищников. И сколько изобретательности, такта, терпения нужно было проявить, чтобы содрать с волка овечью шкуру и заставить его рассказать о своих тайных планах и намерениях. Не однажды во время войны Даниле Николаевичу и его подчиненным приходилось рисковать жизнью, проникать почти в самое логово врага. Но полковник любил свою почетную и опасную работу, порученную ему партией, и старался выполнять ее как можно лучше. Мир, завоеванный в последнюю войну самоотверженным героизмом советского народа, нужно было беречь как зеницу ока от новых покушений врагов. Люди, вернувшиеся к станку и трактору с фронтов и из партизанских отрядов, должны трудиться и отдыхать спокойно.

Все это Данила Николаевич вспомнил, разрабатывая план ликвидации банды на Волчьей гряде. После сообщения Антона Хвоща о том, что бывшие полицаи дали парашютисту так называемую присягу, майор Зоров нетерпеливо спросил у Данилы Николаевича:

— Теперь, товарищ полковник, кажется, хватит ждать? Враги действуют, и мы не должны медлить ни одной минуты. Признаюсь вам искренне, Волчья гряда мне и ночью не дает покоя. Сегодня даже приснилось, что вся эта сволочь оттуда удрала. Удрала на моих глазах, смеясь надо мной. Я рванулся за ними вдогонку — и проснулся. Хорошо, что это был только сон!

— Вы, Яков Романович, должно быть, просто устали,— сочувственно улыбнулся Каленик.— Идите и отдохните. Кстати, как я заметил, вы очень много курите. Не успела догореть одна папироса, как вы принимаетесь за вторую. Пощадите свое здоровье. Вы еще должны воспитать и выдать замуж свою внучку Зиночку.

— Что Зиночка! У нее, Данила Николаевич, родители есть. Профессия у них довольно спокойная по сравнению с нашей. Я вот думаю о старшем лейтенанте Русаковиче. У него маленький сын, жена, мать. И мы посылаем этого молодого отца в волчье логово. Один наш неосторожный шаг, и его сын — сирота. Нет, Данила Николаевич, мне трудно согласиться, будто для нас еще многое неясно. Когда охотник встречает волка, его не волнует, мало или много этот волк навредил и как он думает вредить дальше. Охотник просто старается поскорее поймать хищника на мушку и нажать курок... Когда Антон Хвощ рассказал, как трусливо кинулись полицаи врассыпную от шума падающего дерева, я подумал о большой опасности, которая грозит Русаковичу среди этих бандитов. Из страха, как бы чего не вышло, они могут расправиться с ним в первую же ночь. Так есть ли острая необходимость в мирные дни рисковать жизнью советского человека?

Этот разговор начинал утомлять Данилу Николаевича. У него не было никакой охоты доказывать Зорову, что он посылает Русаковича в волчье логово только потому, что тот лучше любого другого может справиться с его обитателями. Каленик сам любил Русаковича, любил, как сына, помогал ему советами, дал этому бывшему комсомольцу-подпольщику, а потом бесстрашному разведчику рекомендацию в партию. Занимаясь на заочном отделении исторического факультета Белорус-

ского государственного университета, Русакович ему, Даниле Николаевичу, первому показывал после экзаменов свою зачетную книжку. А когда Русакович защищал диплом, то за него волновался не только Данила Николаевич, но и генерал. Он два раза звонил в тот день Каленику, чтобы узнать, как идут дела у «нашего историка».

Сейчас Каленику нельзя уже было ни на минуту задерживаться в районе. И он поспешил в Минск к генералу Пронину с докладом.

— Да ты, Данила Николаевич, садись,— предложил генерал, поздоровавшись.— Видно, хватило тебе работы в последние дни? Что там новенького слышно? Как держится наш Зоров?

— Зоров по-прежнему нетерпелив, Евгений Петрович,— ответил Каленик.— Теперь он не успокоится, пока мы не удалим эту иностранную личность из его района.

— А что ж, он по-своему прав,— улыбнулся генерал.— Он тебе ничего не рассказывал о рапорте?

— Нет, Евгений Петрович.

— Жаль мне старика,— задумчиво произнес генерал.— Война крепко его подрезала. А тут вместо отдыха — новая забота. Все это требует сил, большого напряжения. А годы у человека не те.

— Да вы, товарищ генерал, на пять лет старше майора, а вид у вас, как говорится, дай боже!..— не удержался Каленик.— Мне кажется, что у вас нет ни одного седого волоса.

— Ну-ну, ты меня не утешай,— буркнул Евгений Петрович.— Докладывай лучше о последних новостях с Волчьей гряды.

Каленик сообщил, что так называемый Слуцкий ста-

рается увеличить свою «армию». Предложил Антону Хвощу порекомендовать ему надежных людей.

— И кого же ты решил туда послать? — спросил Евгений Петрович.

— Старшего лейтенанта Русаковича.

— Ты с ним уже говорил?

— Говорил, товарищ генерал. Он готов выполнить любой ваш приказ.

Генерал нажал кнопку звонка. В дверях тотчас появилась строгая фигура дежурного.

— Вызовите сюда старшего лейтенанта Русаковича,— приказал генерал дежурному.— Как только явится, сразу же пусть заходит ко мне.

— Есть, товарищ генерал, вызвать старшего лейтенанта Русаковича!

Когда дежурный вышел, генерал встал и начал ходить по кабинету.

— Я тоже думаю, что это будет интересное пополнение для войска так называемого спадара Слуцкого. Конечно, Русаковичу некоторое время придется ходить, как говорится, на острие ножа, сдерживать самого себя. Но другого выхода нет. Надо только подобрать для связи надежных людей. Я хотел бы, чтобы ты, Данила Николаевич, лично руководил всей этой операцией. Как ты на это смотришь?

— Принимаю как приказ, товарищ генерал!

— Ну вот, заладил свое — «приказ», «товарищ генерал»!..— укоризненно покачал головой Пронин.— Я с тобой разговариваю просто, как коммунист с коммунистом...

В дверь постучали. Вошел и вытянулся в струнку высокий широкоплечий офицер.

— Здравия желаю, товарищ генерал. Старший лейтенант Русакович прибыл по вашему приказанию.

Генерал встал из-за стола и пошел навстречу Русаковичу, любуясь его собранной фигурой, безупречной выправкой. Сейчас, как и когда-то в дни войны, генерала немного настораживали и беспокоили легкие озорные огоньки, которые время от времени загорались в голубых глазах старшего лейтенанта.

— Садись, Василий Иванович,— сказал он Русаковичу.— Я вызвал тебя по делу, о котором тебе уже, наверное, рассказывал Данила Николаевич. Подготовься к нему как следует.

— Я готов в любую минуту, товарищ генерал!..

— А мне кажется, что еще не готов, это же не вечерняя прогулка по проспекту Сталина или парку Горького. Ты встретишься с врагами с глазу на глаз. Один против пяти! Ты будешь с ними разговаривать, спать в одном шалаше, вместе есть... Одно твое неосторожное движение, слово, даже взгляд, и мы не успеем тебе помочь. Ты думал об этом?

— Так ведь не впервой, Евгений Петрович!

— Не впервой, не впервой! — передразнил Русаковича Пронин.— А чего в твоих глазах чертики играют?.. Смотри, чтобы никаких там комедий не устраивал!.. Понятно? Забудь перед этими гадами, что ты человек с высшим образованием, что видишь их насквозь. И береги себя. Помни, что тебя ждет твой сын, твои товарищи. Ну, ни пуха тебе, ни пера, товарищ Русакович...

ПРОЩАНИЕ С СЕМЬЕЙ

Выйдя от генерала, Русакович направился в свой кабинет. Только он вошел, как зазвонил телефон. Русакович снял трубку.

— Это ты, Василек? — услышал он взволнованный голос жены.— Я недалеко от тебя. Даже вижу твои светлые кудряшки. Сейчас они встанут дыбом, если я сообщу одну новость.

— Например? — как-то безразлично спросил Русакович.

— Я не достала билетов на стадион. Придется тебе слушать встречу «Спартака» и «Локомотива» по радио.

— Обманывай! — улыбнулся Русакович.— Я по голосу узнал, что билеты лежат в твоей сумочке. Только из этого сегодня ничего не выйдет. Я должен собираться в командировку.

— Обманывай! — не поверила Валя.

— Честное пионерское... Сейчас я иду домой.

Он запер свой кабинет и вышел на улицу. Валя уже ждала его на остановке автобуса. Она держала в руке синюю авоську с помидорами. Увидев его на другой стороне улицы, помахала, чтобы поторопился.

— Ну вот,— заговорила Валя с обидой, когда они сели в автобус и помчались по проспекту вдоль зеленой стены лип.— А я бросила все дома и, как одержимая, помчалась за билетами. Теперь что: в мусорный ящик выбросить их?

Озорные огоньки, которые так любила Валя, замелькали в голубых глазах Русаковича.

— Еще что выдумай! — заговорил он, стараясь казаться серьезным.— Мы их должны тщательно собирать и подшивать. Подрастет, станет взрослым наш Семка, так пускай знает, каким завзятым болельщиком был когда-то его отец.

— Посмотрит он на эти бумажки и удивится, как такого легкомысленного человека держали столько лет на службе в серьезном учреждении,— в тон ему ответила Валя.

— Ты скажи спасибо, что я еще не увлекаюсь охотой и рыбной ловлей. У нас есть товарищи, которые все свои выходные дни проводят в лесу или на реке. Поймает там какой-нибудь десяток плотичек, на два рубля, а наврет потом на пять тысяч.

Русакович глянул в окно. Автобус остановился на Круглой площади, напротив монумента-памятника героям Отечественной войны. Поднятый в голубую высоту строгим гранитным обелиском, сверкал под солнцем орден Победы. Солнце поблескивало и в окнах домов, выросших друг возле друга вокруг площади. Русаковичу казалось, что никогда здесь не было дикого пустыря, покореженных огнем стальных балок и гор битого кирпича. Что никогда он не ходил из одного конца города в другой пешком, пробираясь через участки картофеля, огороженные спинками от обгорелых кроватей. Как скоро мы забываем самое трудное и злое в нашей жизни и всегда помним только лучшее!

На Долгобродской Русакович соскочил с автобуса вслед за Валей и, взяв ее под руку, перешел перекресток, перед которым столпились десятки грузовых и легковых машин. Русакович и Валя оглянулись. Выпуклые стеклянные глаза светофора строго предупреждали водителей желтым светом о чрезвычайно важном происшествии на перекрестке: под командой озабоченных воспитательниц его торжественно преодолевала группа самых молодых граждан столицы.

— Смотри, Валюшка, какая у них солидная походка! — тепло улыбнулся Русакович.— Скоро и нашего разбойника надо будет выпускать в такие походы.

Валя однако была занята своими мыслями. Ее настораживали эти беззаботные шутки мужа, за которыми ощущалось большое душевное напряжение. Дома он то-

ропливо поцеловал Семку и сразу начал перебирать на вешалке свою одежду.

— Слушай, Валюшка,— позвал вскоре Русакович.— Где моя старая стеганка?

— Разве ты забыл, что сам оставил ее в подвале, когда складывал брикет? Зачем она тебе понадобилась?

— Ребята едут на рыбалку, просили одолжить для одного новичка спецодежду. Дай скорее сюда ключи.

Он спустился в подвал и принес оттуда не только стеганку, но и довольно поношенные, хотя и без дыр, кирзовые сапоги, и неопределенного — не то желтого, не то зеленого — цвета галифе. Все это он затолкал в мешок. Пока жена возилась в спальне, схватил на кухне котелок, достал из холодильника кусок сала и завернул его в чистый лист бумаги. Потом весело позвал:

— Семка-а!.. Иди сюда.

Семка высунул голову из-за косяка двери. Русакович присел на корточки и протянул вперед руки:

— А ну, разбойник, залезай ко мне на плечи!

Отцовский голос для ребенка всегда кажется самым призывным. Семка не любил, чтоб его долго упрашивали, и тотчас принялся карабкаться на сильные плечи, с которых можно увидеть весь мир. Пока в кухне накрывали стол, Русакович, фыркая, словно паровоз, обошел спальню и направился в кабинет, большая половина стен которого была занята застекленными стеллажами. И Русакович и его жена очень любили книги. Валя преподавала родной язык в одной из средних школ Минска. Она следила за новинками белорусской литературы и довольно разумно и самостоятельно оценивала то или иное художественное произведение.

Здесь, в этой комнате, впервые их Семка отчетливо произнес слово «мама». И что это была за музыка! Она

волновала их несколько дней подряд новизной незнакомого прежде чувства. Теперь Семка уже мог связывать слова в предложения.

— Неси меня к столу! — решительно приказал он отцу.— Покажи ящики.

Русакович должен был поднести сына к письменному столу и выдвинуть ящик, в который Семка сразу запустил любопытную пухлую ручонку. Там он увидел увеличенные недавно Русаковичем фотоснимки еще со времен войны. На одном из них была партизанская землянка на озере Палик и на ее фоне два человека в белых тулупах и шапках-ушанках: он, Русакович, и Данила Николаевич Каленик.

— Где тут твой папка? — спросил сына Русакович.

Семка уверенно показал пальчиком на Каленика, сфотографированного с черной пышной бородою.

— Вот ты!

— Молодчина ты у меня,— засмеялся Русакович.— Попал пальцем в небо! Любишь, значит, бородатых?

— Я люблю радио,— возразил Семка.— Поиграй мне.

Русакович подошел к радиоприемнику «Беларусь». Щелкнул выключателем. В аппарате послышался сперва легкий шорох, потом спокойный привычный голос диктора, который сообщал об успехах Института механизации и электрификации сельского хозяйства Академии наук БССР. Семку, однако, не удовлетворяла эта передача, он сам ухватился за ручку и начал вертеть ее двумя руками, наполняя комнату, к своему большому удовольствию, пронзительным свистом и визгом новых радиоволн. В этом шуме и грохоте динамика Русакович вдруг почувствовал, что кто-то стоит за его спиной. Он повернул голову к двери и увидел полковника Каленика в сером габардиновом пальто и свою мать, которая, при-

крыв ладонями уши, что-то с улыбкой говорила. Русакович выключил радиоприемник.

— Наследник у него правильный, Анна Прокофьевна,— непривычно тихо после страшного грохота динамика проговорил Данила Николаевич.—Любит, как и отец, шумовые эффекты. Помните, как уходил Васька в лес? Пока не поджег эшелон с горючим, никак не мог расстаться со станцией.

— Не напоминайте мне про войну, Данила Николаевич,— отмахнулась Анна Прокофьевна.— Слышать про нее не хочу. Пускай она идет от нашего порога подальше. Как услышу, что где-то есть такие, что хотят войны, я их, кажется, вот этими своими руками готова задушить. Это же только самый последний душегуб, который не любит ни своих детей, ни внуков, может хотеть ее!..

— А они, Анна Прокофьевна, не просто хотят, а вовсю готовят ее. Как когда-то Гитлер. Суют нос в наши дела, задираются.

— А вы чего смотрите? Разве леворверы вам для забавы повыдали? Переполз который нашу границу — сразу бей его по поганой морде.

Анна Прокофьевна взяла внука и пошла из комнаты. Каленик снял пальто, которое Русакович тут же отнес на вешалку.

— Может, подкрепитесь у нас, Данила Николаевич? — предложил он, вернувшись.— В последних известиях передавали, что на столе стоят картофельные оладьи. Ну, а к ним подплыла жирная мягкая селедочка. То, о чем мы когда-то мечтали, в последнюю блокаду, когда на двух человек приходилась одна картофелина...

— Оладьи потом,— плотно притворив дверь, заговорил Данила Николаевич.— Можно попробовать, если их

пекла Анна Прокофьевна. Ты вот лучше мне скажи, Вася, как у тебя с цирюльными делами?

— Меня на этом они не подловят, Данила Николаевич,— улыбнулся Русакович.— В мешке есть наготове золингеновская бритва, помазок в медной охотничьей гильзе довоенного образца, ну и кусок мыла. Это кроме того, что они могут найти, если поинтересуются мешком во время моего отсутствия.

— Покажи, что ты приготовил для такой проверки,— приказал Данила Николаевич.

Русакович достал из нижнего ящика стола туго набитый мешочек и развязал его. Здесь были разные мужские и дамские часы, некоторые — с перерезанными ремешками, два золотых кольца, пачка денег, завернутая в носовой платок, несколько дорогих с виду брошек. Данила Николаевич внимательно осмотрел каждую вещь, перебрал связку всевозможных ключей и отмычек.

— А в дополнение вот эти напильники, ножовка и знаменитый «фомка»,— засмеялся Русакович, положив рядом с мешочком все необходимые для вора-взломщика инструменты.— Как вы, Данила Николаевич, смотрите на такой паспорт? Поверят?

— Это в зависимости от того, как ты сам будешь держаться,— ответил Данила Николаевич.— Я тебя немножко знаю, поэтому не даю никаких советов. Предупреждаю только: будь осторожен. Я верю в твои способности, в твои силы, Вася. Ну, можешь складывать эти свои «свидетельства» в мешок...

— Не беспокойтесь, Данила Николаевич,— проговорил Русакович.— Разве впервые? Вспомните, как мне пришлось перед самым бегством фашистов исполнять роль офицера СД. Все было как следует. Обойдется и теперь...

Уже стемнело, когда, миновав Радошковичи, машина свернула с Виленского шоссе направо и помчалась дальше, заливая дорогу ярким светом фар.

Дорога, обсаженная деревьями, настраивала Русаковича на лирический лад. Он заговорил о том, что они проезжают по местам, где когда-то в юности ходил народный поэт Белоруссии Янка Купала. Как жаль, что не дожил он до дня освобождения и не увидел, каким сегодня стал его Минск, вся его Родина! А сколько новых интересных имен появилось после войны в белорусской советской литературе! Сколько написано книг, известных не только в нашей стране, но и за ее рубежами!

Вдруг Данила Николаевич, глянув через боковое стекло, приказал Афанасенко остановить машину и выключить свет.

— Ты видишь, Вася, что там? — выйдя из «Победы», спросил он Русаковича.— Что-то горит за лесом...

Из-за темной зубчатой гряды леса поднималось багровое зарево. Русаковичу казалось, что он даже видит длинные жадные языки пламени, которые то поднимаются над лесом, то опять скрываются, чтобы взлететь вверх с новой силой.

— Горит здание,— хмуро проговорил Данила Николаевич, садясь в машину.— Поехали скорее, товарищ Афанасенко!

Майор Зоров уже ждал их. Он сообщил, что сгорела типография в Вязынской МТС.

— Как она загорелась? — спросил Данила Николаевич.

— Точно не знаю. Таруто еще там. Он звонил, что пожар начался внутри здания. Возможно, кто-нибудь бросил в корзинку непогашенную папиросу.

— А я думаю другое. Не занесен ли туда этот огонь с Волчьей гряды?

„ВОЙСКО" ДЕЙСТВУЕТ...

«Спадар» Слуцкий, командующий «вооруженными силами бэнээр», каковым он провозгласил себя на Волчьей гряде, начал развертывать «военные» операции. Он приказал Черному Фомке подготовиться к наступлению на Вязынь.

— Вы что, с ума сошли, спадар полковник! — запротестовал Черный Фомка.— После этого вашего наступления нам не усидеть не только на Волчьей гряде, но и в самой густой чаще Белоруссии. Колхозники перещупают здесь каждый куст, каждую кочку. И что мы сделаем впятером против целой деревни? Да одни бабы прикончат нас ухватами и кочергами...

— Вы меня не поняли, спадар капитан,— озираясь на «войско», рассевшееся вокруг небольшого костра, заметил Слуцкий.— Наступление мы проведем только на определенный объект. Я уже вам говорил, что нам надо иметь свой печатный орган, который должен призывать белорусов к борьбе за наши идеи. На первый раз выпустим воззвание, чтобы люди объединялись вокруг нашего войска. Как же мы это воззвание сможем выпустить, если у нас нет шрифтов, краски, бумаги?

— Конечно, не сможем,— охотно подтвердил Черный Фомка.— Но если бы мы даже имели эти шрифты, то пользы от этого было бы, как с козла молока.

— Это почему же?

Черный Фомка лениво зевнул. Заговорил, словно что-то припоминая:

— Немцы тоже выпускали здесь и воззвания, и листовки, и даже газеты. Обещали тем, кто будет служить им верой и правдой, новый европейский порядок, имения и хутора, выгодные должности. Те, кто воевал против Советов, работать сами не будут, а будут только ру-

ководить и пить вино. Гитлер обещал таким людям дать батраков и батрачек... Нашлись дураки, которые поверили. Теперь бы и укусили то место, на котором сидят, да его не достать...

— Я это знаю,— перебил Черного Фомку Слуцкий.— Но нельзя же опускать руки! Надо верить в наши идеи, за которыми стоит наготове большая материальная сила. Мы должны подготовить путь для ее движения. Я сюда прилетел не для того, чтобы вот так спорить, как сейчас. Мне поручено руководить вами. И вы, спадар капитан, должны беспрекословно выполнять мои приказы, как выполняли их в гестапо. Непослушание в войске — смерть. Понимаете?

— Вы это, спадар полковник, скажите им,— кивнув головой в сторону «войска», проговорил Черный Фомка.— Они охотнее полезут в магазин сельпо, чем в типографию.

— Нет, дорогой, вы сами им прикажете, и они пойдут не туда, куда захочется, а туда, куда нужно. Пять тысяч рублей и пистолет вы получили от меня не за то, чтобы поглаживать свое брюхо возле костра. Имейте это в виду. Вот скоро прибудут на самолетах новые ратники, радиостанции, тогда вы убедитесь, что я никогда не бросаю слов на ветер. А теперь, спадар капитан, скажите, кто знает удобные подходы к типографии? Какая там охрана?

Черный Фомка захохотал.

— Ну и сказали!.. Охрана!.. Кому и зачем она нужна, эта типография? Часов и конфет там нету, денег тоже. Люди обычно кончают работу и — дверь на замок. Но в дверь нам нельзя ломиться. Напротив стоит дом. Придется лезть через окно с другой стороны. Только там железные решетки.

— Это глупости. Ножовка их быстро перепилит.

Они приготовили мешок для шрифта, топор, ножовку, клещи и, как только стемнело, двинулись по звериным тропам в сторону Вязыни.

Перед уходом снова разгорелся спор. Лучше всех знал подходы и расположение типографии Селивон Суконка, но ему не хотелось идти в такую трудную и опасную дорогу. А вдруг кто-нибудь из колхозников увидит и узнает его в темноте? Тогда не унести ему своего живота от погони! Суконка, услышав о «боевом» походе в родную деревню, вдруг занемог, начал хвататься за правый бок и морщиться словно от нестерпимой боли. Черный Фомка однако был непоколебим. Он напомнил Суконке о его крестике под «присягой» и о крестиках во время гитлеровской оккупации. Добавил, между прочим, что невыполнение приказа во время военных действий карается расстрелом, и Суконка вынужден был согласиться, хотя и заявил, что в типографию он не полезет.

— Черт с тобой! — согласился Черный Фомка.— Никто тебя туда и не пустит. Еще наделаешь шуму на всю МТС или заснешь там. Ты будешь стоять на часах и кашлянешь три раза, если появится опасность.

Суконка шел впереди, за ним Черный Фомка и Тхорик. Самым последним неслышно ступал спадар Слуцкий. Он время от времени останавливался, прислушивался к ночным шорохам и снова торопился за чуть заметными тенями своих ратников. Слуцкого раздражала тяжелая и неосторожная поступь Суконки, его шумные вздохи в короткие минуты отдыха.

— Быстрее, быстрее! — шипел на него Черный Фомка.— Люди уже в постелях. Для нас это самое удобное время. Вон и электростанция прекратила работу.

И в самом деле, электрические огни, которые они видели еще с опушки, словно по команде, погасли. Вслед

за этим умолкло ритмическое постукивание движка. Вся усадьба машинно-тракторной станции утонула в тихом и теплом мраке ночи.

Суконка вдруг остановился и тяжело вздохнул.

— Ну, чего стал? — опять зашипел Черный Фомка.— Увидел кого-нибудь?

— Не-ет... Страшно...— Зубы Суконки стучали, когда он говорил.— Я их боюсь, даже когда они спят. А что, если собаки залают? Если там нас подстерегают?..

— Что тут происходит? — сердитым шепотом спросил Слуцкий, в первый раз за всю дорогу приблизившийся к своему «войску».— Отвечайте, спадар капитан!..

— Да вот этот требух говорит, что боится...

— А вы разве не знаете, что делать в таких случаях? До каких пор вам надо напоминать? Мне даже не верится, что вы когда-то воевали в немецкой армии! Подохотьте его коленом... Присягаю именем бэнээр, что если мы сегодня вернемся с пустыми руками, я его расстреляю лично!.. Вперед!..

Суконка чуть не завыл от страха и рванулся в сторону МТС. Остальные теперь едва поспевали за ним.

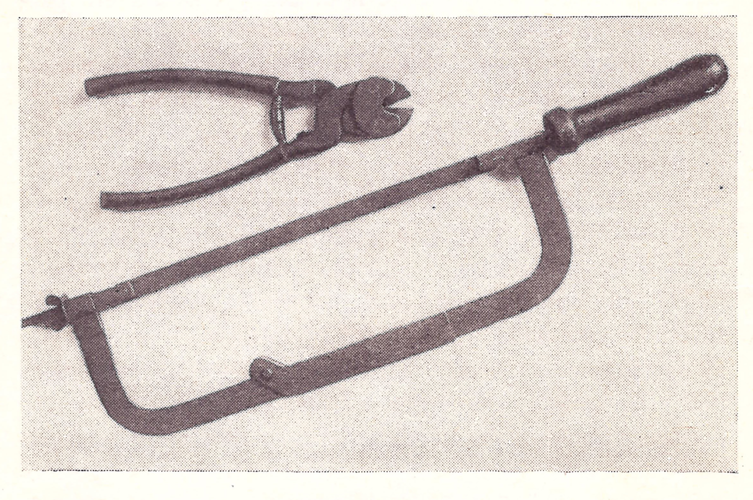
— Вот как надо разговаривать с трусами! — довольно прошептал Слуцкий на ухо Черному Фомке.— Они тогда становятся смелыми...

Только возле огородов Суконка умерил свою прыть и, немного отдышавшись, молча пошел дальше. Теперь он время от времени останавливался и пристально осматривался вокруг.

Почти все дома здесь были новые — они строились после войны на пепелищах. Наличники и рамы белели свежей краской. Суконке казалось, что из каждого окна за ним следят безжалостные и мстительные глаза людей, в кровавой борьбе с оккупантами добывших себе право открыто ходить по своей земле в любое время,

отдыхать после работы в теплых постелях. А он, как волк, должен таиться, удирать от них в чащу. Мало того, что насолил людям при немцах, так теперь нашелся новый хозяин! Спадар Слуцкий!.. Его Суконка помнил еще щенком. А теперь он — полковник! Хозяин, который в любую минуту может пальнуть из немецкого автомата тебе в затылок. Научился у гестаповцев! Чечетка чертова!.. Типография, видишь ли, ему нужна! Поможет она тебе, как мертвому припарки, если даже все обойдется тихо! Нужны кому-то твои бумажки, как собаке пятая нога!..

Слуцкий прервал эти крамольные мысли, приказав Суконке немедленно обойти типографию вокруг и доложить о результатах разведки. Вобрав голову в плечи и держа наготове топор, Суконка исчез в темноте. Остальное «войско» засело в колючем репейнике.

Ножовка и кусачки, с помощью которых бандиты проникли в типографию.

— Никого нигде нет,— минут через пять доложил Суконка, грузно садясь на землю.— Окно в наборную вот с этой стороны. Видите? Остальные окна закрыты ставнями...

— Видим,— прошептал Слуцкий.— Сиди здесь и гляди в оба! Сигнал тревоги, как условлено.

Они подкрались к окну, на которое указал Суконка. Черный Фомка достал из кармана кусачки и начал осторожно вынимать раму. Вскоре по железу решетки приглушенно зашоргала ножовка. Спадар Слуцкий хватался за перепиленные прутья и отгибал их. Черный Фомка пролез внутрь типографии первым, за ним — Слуцкий, а Тхорик остался ожидать их под окном. Ощупью добрались до наборных касс. Пальцы Слуцкого зашарили по шрифтам...

— Зажгите на минутку фонарик! — прошептал спадар полковник спадару капитану.

Черный Фомка выполнил приказ. Первое, что он заметил, был серый плащ, повешенный на гвоздик кем-то из наборщиков или работников редакции. Слуцкий заметил немного побольше: необходимые ему шрифты, верстатку, банку с краской, приготовленную для печатания газеты бумагу. Теперь он мог обходиться без света. Сунув верстатку в карман, Слуцкий свернул в трубку около пуда бумаги и подал ее в окно Тхорику. Черный Фомка тем временем прошел в другую комнату и, щелкнув фонариком, начал искать, нельзя ли и здесь чем-нибудь поживиться. В углу стояла большая оплетенная бутыль. Черный Фомка вынул широкую пробку и понюхал. Тьфу, чтоб ты сгорело! Обыкновенный керосин... И тут он уловил настороженным ухом какой-то возглас в наборной, торопливый топот ног. Он отскочил от бутыли и увидел в просвете окна, как спадар Слуцкий поспешно вылезал на улицу.

Черный Фомка одним духом выскользнул вслед за ним.

— Опасность! — шепнул ему Слуцкий и, пригибаясь, побежал в репейник, где их ожидал Тхорик с трубкой бумаги и банкой краски.

— А где Суконка? — спросил, оглядываясь, Черный Фомка.

— Почесал в ту вон сторону,— махнул рукой Тхорик.— Кашлянул три раза и ходу. Может, кто-нибудь проходил?

Держа наготове оружие, они просидели неподвижно минут десять, а то и больше. Ночь была тихая, только где-то далеко за деревней чуть слышно рокотал трактор. Раз-другой где-то тявкнула спросонья собака, заржал жеребенок на лугу, проскрипел коростель. И все опять уснуло, кроме трактора, рокот которого стал теперь более отчетливым. Спадар Слуцкий нервно поежился.

В этот момент совсем рядом что-то угрожающе зашипело, послышалось фырканье, загремели сухие шишки репейника. Все трое, подминая репейник, бросились на землю. Черный Фомка уже раскаивался, что послушался этого Слуцкого и полез на рожон вместо того, чтобы спокойно спать себе на Волчьей гряде...

На соседней усадьбе, должно быть, просясь в избу, замяукал кот. Эти мирные звуки привели в чувство единственного рядового из «войска» спадара Слуцкого.

— Да ведь это он нас так напугал! — зашептал Тхорик.— Когда я ожидал вас возле окна, несколько котов пробежало мимо меня в репейник. Суконка, видно, испугался, подал нам сигнал, а сам смылся. Погодите, кажется, он возвращается?..

Слуцкий приподнялся, направил в темноту свой автомат и положил палец на спуск. Но стрелять не пришлось. Это действительно возвращался Суконка. Он

рассказал, что кто-то ворвался к нему в репейник и поэтому он был вынужден подать сигнал тревоги, а потом пойти и посмотреть, что делается вокруг...

— Вы, дорогой, врете,— сухо перебил Слуцкий путаные объяснения Суконки.— Завтра мы разберемся в вашем поведении более детально. А теперь держите эту бумагу и краску. Потеряете — ответите головой.

Они выбрались из своего колючего убежища, снова залезли в окно типографии и уложили в мешок шрифты. Первое, что теперь сделал Черный Фомка, это снял с гвоздя и напялил на себя плащ. Потом собрал и свалил в кучу бумагу, бросил в нее две пустые кассы, два стула, облил все это керосином и поджег.

— Вот так пока что и надо поступать,— произнес с каким-то злым торжеством Слуцкий, когда они уже подходили к лесу.— Чтобы после нас не оставалось никаких следов. Когда нашего войска станет побольше, мы начнем жечь все подряд!..

Огонь уже вырывался из окон типографии, лизал стены, полз по ним на крышу. Где-то тревожно и торопливо зазвонили в рельс. В домах заскрипели, захлопали двери. Суконка испуганно глянул на Слуцкого. В багровом и неспокойном свете пожара глаза спадара полковника сверкали, как у волка...

НА ОСТРИЕ НОЖА

Слово «командировка» у работников органов безопасности имеет разные значения. Вызвали, скажем, майора Зорова в Минск, и его подчиненные отвечают вам, что он уехал в «командировку». Послали старшего лейтенанта Русаковича за какими-нибудь важными справками в Могилев или Гродно — тоже «командиров-

ка». На эти поездки дается определенный срок, ты можешь, если нужно, отдохнуть в гостинице или у знакомых, позавтракать или поужинать в предписанное режимом время. Ты всегда находишься среди своих людей, иногда встречаешься с друзьями, с которыми вместе воевал когда-то на фронте или в партизанах. Если случайно и задержишься по делам дня на два, можешь дать домой телеграмму, чтобы там не беспокоились.

Теперь Русакович тоже считался в «командировке», об опасном характере которой в семье даже не подозревали. Эта «командировка» могла тянуться неделю, две, даже несколько месяцев, а могла оказаться и бессрочной из-за одного неосторожного шага...

На нем была черная стеганка и неопределенного — не то желтого, не то зеленого — цвета брюки, серая кепка, из-под которой выбивалась на лоб прядь светлых волос. С плащом на левой руке и довольно увесистым мешком за плечами, Русакович шел вслед за Антоном по извилистой лесной тропинке. Могучие сосны и ели замерли в каменной неподвижности на мохнатом зеленом ковре, сотканном из черничника, мха и брусничника. Иногда в лощинах по кирзовым голенищам сапог глухо стучали жесткие ветки голубичника, с которого падали на мох сизые капли ягод. Утренний воздух был напоен густым и дурманящим запахом багульника и прелых прошлогодних листьев.

Зацветал вереск, пышный убор лиственных деревьев, особенно берез, кое-где начинал желтеть. Дозревший лист, срываясь с ветки от легкого дуновения ветерка, трепетал, как мотылек, пока не ложился на розоватую вересковую постель.

Минуя круглое болотце, поросшее маленькими корявыми сосенками, Русакович и Антон подняли глухариный выводок. Сперва, возмущенно и торопливо закри-

чав, поднялась в воздух рыжевато-серая самка; потом, беспорядочно хлопая крыльями, начали взлетать молодые.

— Один, два, три... Всех восемь,— взволнованно произнес Антон.— Нет на них нашего председателя Орлюка.

— А он что — охотник? — тихо спросил Русакович.

— Еще какой! — так же тихо ответил Антон.— Если б не уборка, все здесь гремело бы от его выстрелов...

Они приближались к месту, где Антон накануне встречался с Черным Фомкой. Русакович остановился, достал из мешка немецкий автомат и перебросил ремень через голову. Антон с восхищением наблюдал за спокойными и уверенными движениями человека, с которым его познакомил Зоров. «Денис Афанасьевич Воробей,— назвал себя этот человек.— Никогда и ни при каких обстоятельствах не забывайте, как меня зовут».

«Воробей, да не тот»,— подумал Антон.

Новоявленный Воробей понравился Антону с первой же минуты знакомства. «Не удивляйтесь и не гневайтесь на меня, если я иногда буду вас ругать. Я, имейте в виду, ваш давний и хороший друг. Запомните, что у меня сумасшедший характер, я люблю, чтоб меня уговаривали, упрашивали. Водки пью мало, опасаюсь, чтобы меня не поймали. На Волчью гряду иду лишь потому, что вы меня очень просили. Понравится там — побуду, а нет — мешок на плечи и идите вы все к чертовой матери. Большой кагал чужих людей в лесу настораживает колхозников, которые если не сами тебя поймают, так наведут милицию. А встречаться с нею у меня нет ни малейшей охоты. Поэтому я могу даже обругать вас в присутствии этих «спадаров» самыми последними словами, может, иногда и толкнуть. Но вы не подавайте виду, что удивлены моим поведением... Запомните, мы име-

ем дело с самыми опасными врагами: малейшая наша ошибка — и они беспощадно нас уничтожат».

На глазах у Антона Русакович, готовясь к решительному шагу, превращался в настороженного волка, ненавидящего и обходящего людей. Широкие и немного сутулые плечи, диковатый взгляд прищуренных глаз, напряженная походка — во всем этом ничего не оставалось от того воспитанного и веселого человека, каким выглядел Русакович во время знакомства с Антоном. Немецкий автомат покачивался на старом обтрепанном ремне и еще больше усиливал впечатление, что ничего хорошего от его хозяина ждать не приходится.

Зоров, когда они заглянули к нему перед уходом, только улыбнулся, заметив это превращение. Каленик присматривался требовательно и придирчиво, думая о чем-то своем. И когда Русакович, пройдясь раза три туда и назад по комнате, сел, он озабоченно промолвил:

— Переигрываешь немножко, «спадар Воробей». Правда, может, это потому, что мы не те, с кем тебе придется вскоре встретиться? Там тебе будет виднее. Артисту тоже трудно исполнять свою роль, когда перед ним не зрители, а только два-три его товарища по работе.

Зоров последний раз попытался отговорить Каленика от задуманного им плана.

— А может, Данила Николаевич, не стоит затевать этой игры? Зачем, повторяю, нам рисковать судьбой человека? Давайте блокируем Волчью гряду и дело с концом. У нас достаточно сил для того, чтобы ни один из бандитов не вышел живым из нашего района!.. В ближайших колхозах наберется человек двести бывших партизан, немало и фронтовиков. Достаточно шепнуть некоторым, что на Волчьей гряде появился враг, и они немедленно сделают все, что нужно.

Не успел Каленик возразить, как мнимый Воробей вдруг поднял руку:

— Разрешите мне сказать несколько слов.

— Пожалуйста,— кивнул Данила Николаевич.

— Там, на Волчьей гряде, Яков Романович, как нам известно, один автомат, два обреза, несколько пистолетов. Как бы мы искусно ни подползали, жертв не миновать. Но мы идем в их логово не только для того, чтобы не было лишних жертв при поимке этого спадара. Главное, нам надо разведать намерения и замыслы тех, кто его сюда послал. Да в конце концов мы и не имеем никакого права изменять утвержденный генералом план, Яков Романович! Прошу вас, дайте мне поговорить с глазу на глаз с живым национал-фашистом. Может быть, другого такого случая и не представится...

Антон Хвощ в ту минуту понял, что такие люди, как этот «Воробей», пойдут в любой огонь, лишь бы достигнуть цели...

Поправив автомат, «Воробей» снова вскинул мешок на плечо, весело подмигнул Антону и произнес громко и презрительно:

— Плевал я на твоих приятелей!.. Сидят здесь в лесу, как мыши под веником. Свяжись только с такими, так они тебя погубят ни за грош... Нет, лучше я пойду своей дорогой.

— Слушай, Денис! — нарочито громко начал упрашивать Антон, шагая следом за своим неспокойным дружком.— Ты поговори с ними. Не понравится тебе здесь — делай тогда, как знаешь. Давай зайдем к ним...

— Нашел дурака! Буду я кланяться каждой сволочи!..

Голоса их то гулко разносились по лесу, то затихали. Денис Воробей оказался довольно капризным, когда дошло до выбора места для отдыха. Они почти кругом

обошли всю Волчью гряду, пока Денис, наконец, остановившись на небольшой полянке, не заявил:

— Стой, паря! Никуда я дальше не пойду. Сейчас вот разожгу тут костер и лягу спать.

— А как же встреча?

— Плевал я на нее,— сбрасывая на землю мешок, выругался Денис.— Вот отдохну и пойду своей дорогой. Помоги мне насобирать хвороста...

Минут через десять на полянке уже горел костер. Денис прилег возле него, казалось, безразличный ко всему, что происходило вокруг. Антон быстро зашагал в сторону бандитского лагеря.

Не найдя бандитов на прежнем месте, он начал бродить по чаще, иногда останавливаясь, чтобы прокричать условное «клох-клох-клох», похлопывая ладонями, как тетерев крыльями. Наконец невдалеке от того места, где «Воробей» вытаскивал из мешка автомат, послышался ответный сигнал Черного Фомки. Скоро и сам он осторожно выглянул из-за густого орехового куста.

— Ты здесь один? — спросил он Антона, оглядываясь по сторонам.

— Пока один.

— А нам... А мне показалось, что я слыхал какие-то голоса. Твой и еще чей-то, незнакомый... Ты никого не привел?

— Привел того человека, о котором я говорил Слуцкому,— ответил Антон.— Да ничего, видать, не выйдет. Не хочет этот Воробей присоединяться к вам. Боится, что ли...

— А где он?

Антон махнул рукой.

— Улегся возле костра. Надоело мне его уговаривать. Ругается, что я затащил его сюда...

— Ничего, — угрожающе произнес Черный Фомка.— Я его скоро успокою. Пошли к Слуцкому... Ты не знаешь, что это ночью горело в той стороне?

— Сгорела эмтээсовская типография.

— Смотри ты! — пряча в глазах беспокойство, удивился Черный Фомка.— Как же это случилось?

— Говорят, кто-то бросил в корзину с бумагами непогашенную папиросу.

— Растяпы!..

Слуцкого в лагере не оказалось, не было и Тхорика. Возле погасшего костра сидели Тропашка и Суконка. Они встретили Черного Фомку и Антона какими-то встревоженными и растерянными взглядами.

— А где остальные? — спросил Черный Фомка.

— Следят за незнакомцем,— ответил Тропашка.— Слуцкий приказал нам никуда не отлучаться. Ну и здоровенный же этот парень!

Антон, делая вид, что сильно обижен таким недоверием, напустился на бандитов:

— Ну и собаки же вы! Сами просили, чтоб привел к вам человека, а теперь готовы его съесть. Тайком подползаете, вынюхиваете!.. Нет того, чтобы встретить как следует! Да он с таким дерьмом и знаться не захочет! Вот попомните мое слово...

— Ну ты, щенок, не слишком тут расходись,— огрызнулся Черный Фомка.— Пока мы не убедимся, что это за человек, доступа ему в наше войско не будет. Кто знает, а может, он подослан из МГБ? Чтобы перебить нас...

— Он такой же подосланный, как и ты! — все больше распалялся Антон.— Нужны вы ему, как в мосту дырка! Я еле уговорил его прийти сюда.

— Так почему ты сразу не привел его к нам?

— А откуда он знает, кто вы такие? Он доверяет вам так же, как и вы ему.

— Ну, тогда нечего тебе обижаться,— уже более мягко проговорил Черный Фомка.— Должен понимать, что нам всегда надо быть начеку.

Из чащи, держа наготове автомат, вышел Слуцкий.

— Тихо, спадары! — крикнул он властным голосом.— Ваши споры услыхал даже тот человек. Наставил уши и прислушивается. Я оставил его под присмотром Тхорика. Скажите, спадар Хвощ, это тот человек, о котором вы мне говорили?

— А кого другого я мог сюда привести? — недовольно проворчал Антон.

— Вы, пожалуйста, не сердитесь за эти строгости,— сухо проговорил Слуцкий.— Бдительность и осторожность никогда не мешают. Давайте сюда этого человека.

— Так он не хочет сюда идти.

— А вы попросите.

Антон пошел, но минут через десять вернулся один.

— Он собирается уходить. Я ему рассказал, что вы за ним следили.

Слуцкий укоризненно покачал головой.

— Ну зачем вы ему признались? Я сам бы обиделся, если бы меня так встретили. Ну что ж, если гора не идет к Магомету, то Магомет пойдет к горе. Только, пожалуйста, предупредите его, чтоб он не пальнул в нас из автомата. Как, вы говорите, его зовут?

— Денис Воробей.

— Недурно придумано,— похвалил Слуцкий.

Антон пошел впереди, а за ним, готовые в любой момент укрыться за толстыми стволами деревьев,— Слуцкий и Черный Фомка. Воробей лежал к ним спиной и даже не повернулся, когда услышал треск сухих еловых шишек под ногами. Спросил только коротко:

— Это ты, Антон?

— Я, Денис. А со мною, глянь, те, о ком я тебе говорил.

Денис Воробей лениво сел и безразлично посмотрел на Слуцкого и Черного Фомку.

— День добрый, спадар Воробей,— протягивая руку, заговорил Слуцкий.— Рады приветствовать вас возле нашего исторического стойбища. Меня зовут Янкой Слуцким.

— А меня Денисом Борисовским, если вам нравится,— хмуро ответил Воробей.— Мне кажется, мы с вами немного знакомы.

— Вы шутите, спадар Борисовский. Я впервые вас вижу.

— Как это впервые? Вы же добрый час следили за мной вон из-за того вывороченного пня, а потом переползли вон под ту елочку. И переползли, надо сказать, не совсем осторожно. Я легко мог шутки ради погладить вас по одному месту вот из этой немецкой штучки. Разве не правда?

— Истинная правда, спадар Борисовский,— охотно согласился Слуцкий.— Но тогда бы не поздоровилось и вам.

— От кого? — покровительственно усмехнулся Борисовский.— Вон от того дурня, что все время не дает покоя можжевеловому кустику? Я заметил его еще раньше, чем вас. Дерево или куст, спадар Слуцкий, иной раз прячут, а иной раз и выдают человека. Во время войны я ненавидел лес, а теперь люблю...

— Видимо, у нашей судьбы одни тропки,— вздохнул Слуцкий.— И они должны вывести нас вскоре на светлый путь. Если мы только хорошо поймем друг друга и самоотверженно возьмем на свои плечи все трудности борьбы...

Черный Фомка тем временем как зачарованный смотрел на человека, который в пику Слуцкому назвал себя Борисовским. Где-то он видел эти светлые пряди волос и жгучие синеватые огоньки в глазах? Давно это было. Узкий лоб Черного Фомки даже заблестел мелкой росою пота. Правду говорят, что гора с горою не сходятся, а человек с человеком всегда...

Борисовский, безразлично отвечая на вопросы спадара Слуцкого, все время внимательно следил за лицом и за каждым движением Черного Фомки. Наконец заговорил с грустью и сожалением:

— Вас, спадар Пикулич, стоило бы расстрелять. Помните последний поезд, отправившийся на запад из Молодечно? Вместе с вами вскочил, спасаясь от Советской Армии, офицер СД. У него был чемодан с бельем и продуктами, который вы взялись охранять в Вильнюсе. Когда офицер возвратился в вагон, он не нашел ни вас, ни чемодана. Так что мне за это сделать с вами? За то, что я вынужден теперь прятаться в лесу, заниматься, чтобы прожить, опасными делами, ставить под удар своих близких, которым случается приютить меня?

— Не стоит теперь вспоминать старое! — заторопился примирить их Слуцкий.— А нам Антон даже не рассказал, что вы служили в немецкой армии... Я очень рад...

Борисовский словно не замечал, что, кроме него и Черного Фомки, здесь есть еще и другие люди.

— Так как же мы теперь поступим, спадар Пикулич? — заговорил он, поглаживая пальцами ствол автомата.— Ваш поступок я расцениваю, как предательство. Разве можно вам после этого доверять? Мне противно смотреть на вашу воровскую физиономию...

— Успокойтесь, спадар Борисовский! — взволнованно заговорил Слуцкий.— Повторяю, я очень рад, что так

случилось. Мне сразу стало ясно, что вы наш человек. Идемте скорее на базу.

Борисовский брезгливо сплюнул сквозь зубы:

— Чего я там не видел? Чтобы эта сука опять рылась в моих вещах? Спасибо вам в шапочку, спадар Слуцкий! Тогда он украл чемодан. Теперь может всадить мне тайком в спину нож.

— Пока здесь я, никто вас и пальцем не тронет,— заверил Борисовского Слуцкий.— Поживите у нас, сами убедитесь, что спадар Пикулич не такой уж плохой ратник. С кем из нас в те далекие времена судьба не играла злых шуток? Если бы не Сталинград, мы бы, наверное, не прятались теперь в лесах. Хозяйничать в своих собственных имениях, на своих собственных фабриках — вот что сулила нам судьба. В лесу прятались бы те, кто воевал против немцев. Но мы не должны опускать руки и сдаваться. Кто будет воевать за наши идеи, тот после победы получит от бэнээр заслуженную награду. Рада [1] не забудет своих преданных ратников. Так сто́ит ли сегодня, в такое ответственное время, вспоминать старые обиды? Какие-то немецкие чемоданы?.. От имени бэнээр я прошу вас пойти на примирение. Скорее подайте друг другу руки.

— Вы правы, спадар Слуцкий, теперь не время вспоминать старые обиды и оскорбления,— после недолгого молчания согласился Борисовский.— Шут с ним, с чемоданом!

— Ну вот и хорошо! — повеселел Слуцкий.— Пускай в нашем войске всегда царят мир и согласие, пусть растут и крепнут наши силы.

Борисовский, словно делая большое одолжение, нехотя поднялся с земли и лениво побрел на «базу». Тут он положил свой мешок отдельно от всей амуниции. Ан-

[1] «Правительство» бэнээр.

тон заторопился домой. Борисовский пошел его провожать. Как только они исчезли за деревьями, Слуцкий шепнул несколько слов Тхорику и тот, прячась, направился вслед за ними. Слуцкий подскочил к мешку Борисовского, быстро развязал его и начал перебирать и внимательно рассматривать воровские инструменты, часы, деньги. Довольная улыбка осветила его лицо. Он ловко сложил все на место и завязал мешок.

— Борисовский свой человек, спадар капитан! — сказал Слуцкий Черному Фомке.— Будет очень жаль, если он решит уйти от нас. Ну как, похож этот человек на того офицера СД?

— Тот был моложе и худощавее...— все еще оглушенный неожиданной встречей, хмуро и задумчиво ответил Черный Фомка.— Я не знаю почему, но мне стало страшно, как только я его увидел...

— Глупости, спадар Пикулич! — засмеялся Слуцкий.— Точно так же вы недавно испугались и меня. А страх, как известно, всегда мешает делу. Как бы там ни было, оно продвигается вперед. Мы успешно провели нашу первую операцию, мы пополнили свои ряды. На Западе ожидают от нас героических подвигов. Берите ручку и пишите письмо. Только не ставьте строчки слишком близко одну к другой.

Слуцкий подал Черному Фомке свою полевую сумку и бумагу. Тот сел на пенек и начал писать под диктовку Слуцкого. Это было обычное письмо, в котором сообщалось о здоровье какого-то Игната Чубика, его жены и детей, о разных хозяйственных делах. Когда Черный Фомка перечислил все поклоны и поставил в конце листа корявую подпись: «Игнат Чубик», полевую сумку с письмом взял Слуцкий. Он отвернулся, заслонил письмо спиною и начал что-то писать между строк. Минут через

тридцать Слуцкий позвал Черного Фомку и подал ему письмо.

— Заметно, что я здесь написал? — спросил он своего подчиненного.

Черный Фомка внимательно просмотрел письмо, но увидел лишь то, что написал он сам.

— Я ничего не вижу.

— И никто не увидит! — довольно воскликнул Слуцкий.— Прочтут, что здесь написано, только спадар Рогуля и наш президент, спадар Абрамчик!.. Сегодня это письмо помчится на Запад!

В СТАРЫХ ОКОПАХ

Тем временем жизнь в колхозе шла своим чередом. Уборка и молотьба хлебов были окончены, на полях зеленели дружные всходы озимых. Люди спешили до уборки картофеля засилосовать кукурузу. У широких бетонированных ям с утра до вечера рокотал трактор «Беларусь», приводя в движение силосорезку. Из ее металлической горловины бесконечным потоком текла ароматная сечка. Почти каждый раз, возвращаясь после уроков домой, Костик со своими друзьями забегал на животноводческую ферму. Здесь можно было, отложив в сторону видавшую виды полевую сумку с книжками, прыгнуть на пухлую зеленую сечку, топтаться и танцевать на ней сколько влезет. Костик особенно гордился, если кто-нибудь из мужчин, вылезая из ямы покурить, доверял ему железные вилы. Он становился под холодноватую зеленую струю, падавшую из силосорезки, и разбрасывал сечку по огромному кругу. Другие ребята старательно утаптывали ее. Если кто-нибудь из них пытался озорничать на такой ответственной и важной ра-

боте, Костик подходил к нарушителю и коротко приказывал:

— А ну, вылезай из ямы!

— Так я же, Костик, ничего такого не делаю! Это Мишка толкнул меня. Честное пионерское...

— Смотри, предупреждаю в последний раз. Будем баловаться, так нас сюда дядя Орлюк и на сто километров не подпустит. Надо так утаптывать, чтобы воздух не проходил. Ясно?

— Ясно, ясно... Посмотри, вон какая гора выросла под силосорезкой!..

Костик бежал на свое место и принимался быстро разбрасывать по сторонам высокую гору сечки...

Но сегодня Костику не повезло. Не успел он вдоволь намахаться вилами, как кто-то дотронулся до его плеча. Костик обернулся. Перед ним стоял Антон.

— Иди, Костик,— закричал Антон ему на ухо.— Там тебя Вера ожидает.

Костик неохотно отдал ему вилы.

Вера стояла за автомашиной, с которой два парня сбрасывали к силосорезке кукурузу. Костику не понравился озабоченный взгляд сестры.

— Бери сумку и марш домой! — приказала она.— Пообедаешь и сходишь в лес за вениками.

— Так ведь за вениками можно сходить и завтра.

— Отклад не идет в лад. Делай, что я велела,— строгим голосом приказала Вера.

Костик с завистью посмотрел на копошившихся в яме друзей и перекинул через плечо узенький ремешок сумки. Настроение у парня было окончательно испорчено. Эти взрослые только и делают, что отрывают тебя от самого интересного и заставляют заниматься обыкновенными, каждодневными делами. Начнешь играть в футбол, так тебя уже зовут домой и посылают то на болото

за травой для свиней, то в магазин за спичками или солью... Или в самый разгар боя Дон-Кихота со львами вдруг выясняется, что корова Ласка прошла свой двор и побрела на другой конец деревни. Кто должен оставлять интересную книжку и перенимать норовистую скотину? Он, самый младший в семье...

Размышляя обо всех этих несправедливостях, Костик хмуро шагал домой. И зачем Вере вдруг понадобились веники? До зимы еще далеко... Однако ничего не поделаешь. Остается одно — скорее пообедать да кликнуть кого-нибудь из друзей. Костик не любил ходить один ни в лес, ни на речку. Его всегда должны были окружать ребята. Надо сказать, что ребята тоже не любили оставаться без Костика. Если б он в эту минуту оглянулся, то увидел бы, что все его друзья сразу потеряли интерес к силосным делам и тоже заторопились домой.

Дома мать прежде всего усадила Костика обедать. Обычно он не нуждался в уговорах, но сейчас ему было не до еды. От горохового супа с ветчиной совсем отказался. Запивая холодным сладким молоком картофельную бабку, он думал: откликнется ли кто-нибудь на его условный сигнал? Улица, когда он смотрел в окно, казалась пустынной. Прошел только с ружьем за плечами председатель колхоза Орлюк. Видно, ему не давали покоя тетерева, которых было немало возле Волчьей гряды...

Костик вышел на улицу и, сунув пальцы в рот, пронзительно свистнул пять раз. Скоро такой же свист послышался из соседних дворов. Это означало, что сигнал услышан и приняты меры к выполнению. Ребята уже знали, где собираться и куда идти. Для сбора на футбол, например, свистели один раз, купаться — два раза, по ягоды — три, по грибы — четыре. Правда, многим взрослым не очень нравились эти ребячьи концерты.

Особенно недолюбливал свистунов лесник Жибурт, коренастый мужчина с круглым лицом и толстым коротким носом, самый кончик которого немного раздваивался. Услышав вблизи свист, Жибурт весь вздрагивал и кричал с искаженным от злобы лицом:

— Ах, чтоб вам все уши просвистело, разбойники! Вот поймаю которого да об угол головой...

После случая в картошке Костик стал присматриваться к этому человеку. Несколько раз вечером он даже подходил к той самой тропинке. Однажды Костик заметил, как лесник на ночь глядя прошел с ружьем и довольно объемистым мешком за плечами в сторону леса. Но он мог торопиться и на засаду против порубщиков...

Дождавшись за огородом ребят, Костик внимательно осмотрел их и приказал построиться. Хлопцы беспрекословно и быстро выполнили его приказ. Костик был строгим и требовательным командиром «партизанского отряда», от стремительного натиска которого враги разбегались как мыши. Одно лишь не нравилось командиру в многочисленных боевых операциях: никто из его подчиненных не хотел быть противником. Напрасно Костик убеждал, что это только игра, так сказать, маневры,— охотников воевать против партизан почти никогда не находилось. Одной из причин было то, что «партизаны» во время атаки не в меру усердно лупцевали своих противников.

Теперь Костик отважно вел свой отряд в наступление на лес. Там, в пятом квартале, засел хитрый и опасный враг, которого надо было отыскать и уничтожить. Костик то делал на открытых местах короткие перебежки, то падал на землю и полз, строго оглядываясь и следя, чтобы не отстал кто-нибудь из товарищей. Ребята, нужно сказать, подобрались смекалистые и точно повторяли все маневры своего командира. Перед самой опушкой

они дружно поднялись с земли и с криком «ура» ворвались в густые сосновые заросли.

Если бы ребята взяли немного правее, они бы как раз наткнулись на Черного Фомку и Тхорика, которые залегли под соснами в старом партизанском окопе и наблюдали оттуда за деревней. Когда детвора, наполняя лес криками и свистом, удалилась, бандиты выбрались из своего укрытия и направились на Волчью гряду. Отходили они пригибаясь, сторонясь хоженых тропинок, испуганно замирая от хруста сухих веток под собственными ногами...

Костик тем временем, позабыв о вениках, продолжал «боевые» операции. Он устраивал засады против «вражеских сил» и уничтожал неприятеля беспощадно.

Когда-то здесь действительно был передний край партизанской обороны, от которой и поныне сохранились заросшие молодыми березками и соснами окопы. Костик не однажды бывал тут и знал, где лучше всего спрятаться в случае опасности. Теперь, направляясь в разведку, он заметил в тупике одного окопа подозрительно толстый пласт хвои. Столько ее никак не могло насыпаться за каких-нибудь две недели с тех пор, как он был здесь в последний раз.

Костик остановился и копнул хвою ногой. Под ней оказался свежий песок. Этого было достаточно, чтобы насторожить мальчугана. Он оглянулся, прислушался. Друзья были далеко и, наверное, терпеливо ждали его возвращения. Костик пригнулся в углу окопа, осторожно собрал и отгреб в сторону хвою, потом начал раскапывать мягкий и влажный песок. Вскоре пальцы его нащупали какой-то сверток.

В первую минуту Костику захотелось выпрямиться и сейчас же позвать своих друзей. Однако, вспомнив о ночной встрече в лесниковом огороде, он сдержался.

Тем более, что сверток был шелковый, видимо, из парашютного полотна. Еще раз оглянувшись, Костик развернул сверток, и руки его задрожали от волнения...

Там оказались какие-то бутылочки, маленькие клочки бумаги, завернутый в прозрачную непромокаемую обложку военный билет...

Но главное было впереди. Когда Костик осторожно снял с военного билета прозрачную обертку и глянул на первую страничку, он чуть не вскрикнул от неожиданности: билет принадлежал председателю их сельсовета Стахевичу! Да, сомнений быть не могло — совпадают и фамилия, и имя, и отчество... Но почему с фотографии, приклеенной к билету, смотрит чужое, незнакомое лицо?..

СССР

ВОЕННЫЙ БИЛЕТ

Серия ГД №681573

Фамилия

Имя и отчество

Год рождения

Личная подпись владельца

I. Военно-учетные сведения

1926

первой

Солдат

132

стрелок

рядовой

Фальшивый военный билет, который выдала американская разведка своему агенту.

Победа — это в первую очередь преодоление собственных слабостей. Из романов «Как закалялась сталь» и «Молодая гвардия» Костик вынес непреклонное убеждение, что только железная выдержка обеспечивала героям успех в их благородных делах. Костику в эту минуту захотелось быть таким, как Павка Корчагин, как Олег Кошевой. Те ни за что не поддались бы искушению похвастать необычной находкой...

Брать с собой теперь весь сверток никак нельзя. Ребята начнут расспрашивать, разболтают все первому встречному.

Костик сунул в карман своего пиджачка странный военный билет, остальное свернул и старательно спрятал в надежном месте. Засыпав и заровняв чужую ямку, он снова забросал ее хвоей и заторопился к своим друзьям.

Дома, когда мать вышла доить корову, Костик рассказал Вере о своей находке и отдал ей найденный документ. Вера внимательно осмотрела военный билет и спросила строго:

— Ты никому не говорил о своей находке?

Костика обидел вопрос сестры.

— Разве я маленький?

— Смотри же! Чтоб ни одна живая душа не знала об этом. Даже маме ничего не говори...

„ЧЕЧЕТКА"

Военный билет, найденный Костиком Рачинским, в тот же вечер очутился на столе у полковника Каленика. Кроме того, ему была доставлена и записка от Русаковича. В ней сообщалось, что типографию в Вязыни ограбила и сожгла банда с Волчьей гряды. Слуцкий готовится выпустить от имени бэнээр воззвание к «ис-

тинным белорусам». Один из бывших полицаев под большим секретом рассказал «Воробью», что Слуцкий — это вымышленная фамилия. В деревне Понятичи его с детства прозвали «Чечеткой». Подлинное имя «Чечетки», однако, не установлено.

— Что ж, попробуем кое-что выяснить мы,— сказал Данила Николаевич Зорову.— Надо немедленно послать в Понятичи оперативного работника.

Через два часа Каленик уже знал, что настоящее имя Слуцкого-«Чечетки» — Иван Андреевич Филистович. На фальшивом военном билете была его фотография.

— Ах ты дьявол! — оживился Яков Романович.— Можно сказать, мой землячок. А я его столько лет разыскивал! Считал уже покойником. Хотите, Данила Николаевич, получить некоторые сведения из его биографии?

— Давайте, Яков Романович, все, что у вас есть.

Яков Романович открыл сейф и достал толстую серую папку.

Это были материалы, рассказывавшие о зверствах гитлеровцев и полицаев на оккупированной территории. Яков Романович молча листал пожелтевшие от времени документы, показания свидетелей о массовых расстрелах мирных жителей, о пытках, которым подвергались подпольщики и партизанские связные в застенках гестапо. Сколько прекрасных, сильных духом людей погибло в беспощадной борьбе за освобождение Родины от чужеземных захватчиков! Здесь были страшные снимки, сделанные фотолюбителями-эсэсовцами. Повешенные юноши и девушки... Сожженные карательными экспедициями деревни с нелепыми и дикими остовами печей на еще дымящихся пепелищах...

Наконец Яков Романович нашел нужную бумагу.

— Во время оккупации,— заговорил он каким-то

глухим голосом,— семья Филистовича удрала из партизанской зоны в немецкий гарнизон. Здесь будущий «спадар Слуцкий» сначала работал писарем у бургомистра волости, а потом был завербован в так называемый белорусский батальон, помогавший оккупантам в их борьбе против партизан. Перед освобождением Белоруссии Советской Армией Филистович удрал вместе со своими хозяевами на Запад.

— А где его семья? — спросил Данила Николаевич.

— Семья тоже удрала с немцами,— ответил Яков Романович.

— Та-ак,— задумчиво произнес Данила Николаевич и медленно прошелся по кабинету из угла в угол.— Лесник Жибурт в каком родстве с Филистовичем?

— Жибурт его родной дядя. А что?

Полковник Каленик высказал свои суждения насчет того, что заметил на усадьбе лесника пионер Костик Рачинский.

— Я думаю, это нам впоследствии очень пригодится. А пока будем внимательно следить за развитием событий на Волчьей гряде и вокруг нее. Каждую минуту мы должны быть готовы к любой неожиданности со стороны этого «спадара».

— Мне хочется теперь лишь одного, Данила Николаевич,— проговорил Зоров.— Скорее доставить Филистовича в следственные органы. Доказательств его враждебной, антинародной деятельности предостаточно! Зачем тянуть? Я хорошо представляю, как должен теперь сдерживать себя наш Василь! Один неосторожный шаг... Передайте ему, чтоб подготовился к ликвидации «войска» и его командующего...

— Когда наступит время, он должен сам нас предупредить,— подходя к окну в сад, ответил Данила Николаевич.— Я вот глянул на ваши антоновки и подумал:

разве будете вы их срывать зелеными, недозрелыми? Так и в каждом деле...

С виду спокойный и сдержанный, Данила Николаевич в душе волновался не меньше майора. Иногда ему казалось, что Русакович затягивает свою «командировку», что действительно уже можно было бы кончать с Волчьей грядой. В районе начали поговаривать о появлении банды. Однажды ночью вооруженные обрезами неизвестные грабители совершили налет на двух финагентов и отняли у них около шести тысяч рублей. Через день после этого случая Русакович сообщил, что финагентов ограбили Черный Фомка и Тхорик под руководством Филистовича. Они, видимо, рассчитывали на бóльшую сумму и поэтому были очень разочарованы. Кроме того, Русакович писал, что Слуцкий через кого-то отправил шифрованное письмо в Париж, однако кому оно адресовано и от чьего имени — не выяснено.

Еще через два дня Каленик получил срочную записку: «Чечетка» собирается выехать в Гродно и расспрашивает, нет ли у кого из его вояк там надежных знакомых, чтобы у них остановиться. Что делать?»

Вопрос Русаковича был понятен Каленику. Недалеко от Гродно проходит линия государственной границы Советской Белоруссии. Не думает ли этот «спадар» безнаказанно прошмыгнуть через нее? Бывают дела, которые трудно решить одному. Полковник попросил майора Зорова немедленно вызвать по телефону Минск и соединить его с генералом.

— А разве у вас действительно нет там хороших знакомых? — выслушав Каленика, весело спросил генерал.— Только заранее, Данила Николаевич, предупреди, чтоб там как следует подготовились к приему «дорогого гостя». И, конечно, позаботься, чтоб он не скучал один в дороге. Ну, я думаю, вы сами понимаете...

Прием в Гродно пришелся по душе «спадару» Слуцкому. Остановился он в двухэтажном домике недалеко от вокзала. Хозяйка, приветливая и внимательная женщина, без конца тараторила о делах на тонкосуконном комбинате, где работала ткачихой. Она охотно выполняла разные поручения и, когда гость немножко приболел желудком, что с ним нередко случалось, сама вызвалась сбегать в аптеку за лекарствами... Расстались они недели через полторы на вокзале.

А через несколько дней после возвращения «спадара» из Гродно полковник Каленик получил с Волчьей гряды тревожный сигнал.

Банда готовила покушение на председателя колхоза Орлюка.

Наступил, наконец, решающий момент.

ВОЛЧЬИ КЛЫКИ

Первые дни после того, как Слуцкий в сопровождении Борисовского отбыл в Гродно, на Волчьей гряде все шло по-прежнему. По одному или вдвоем бывшие полицаи время от времени выходили понаблюдать за деревней, остальные оставались на базе. Они должны были в случае опасности быстро спрятать все, что могло навести посторонних людей на их след.

Суконка все время думал только об одном — о еде. С неделю перед этим он чувствовал себя неплохо. Филистович вместе с Черным Фомкой и Тропашкой ходил ночью к своему дядьке, чтобы договориться относительно помощи «войску». Жибурт не захотел и слушать об этом. Не открывая двери, он беседовал с племянником через окно, готовый в любую минуту захлопнуть и его перед ночным гостем. В отместку за такое непочтитель-

ное отношение к уполномоченному и члену Рады бэнээр Филистович приказал своим ратникам забраться в сарай родича и выбрать там самую большую овцу, пока сам он будет просить, чтобы дядька подал ему воды...

Овца была котная,— видимо, хозяин оставлял ее на племя. Но у Суконки так урчало и ревело в животе, что он вовсе не думал об этом. Обгрызая и обсасывая кости, он так чмокал и шлепал толстыми, широкими губами, что не выдерживал даже Черный Фомка.

— Гляди, подавишься,— ядовито замечал он.— Врачей тут у нас нет. Оркестра — тоже... чтоб хоронить с музыкой.

— Как бы тебя самого раньше не похоронили,— огрызался Суконка.— Завидно, что у меня хороший аппетит?

«Ратники» оглянуться не успели, как от украденной овцы не осталось и следа. Почти одновременно вышли запасы картофеля.

Рано утром, когда все еще спали, Суконка проснулся от нестерпимого голода. Ощупав чужие мешки и не найдя в них ничего, чем можно было бы поживиться, Суконка совсем загрустил. От его громких вздохов проснулся на своей постели из еловых веток Черный Фомка. Он откинул шинель, приподнял голову, посмотрел на Суконку и приказал:

— Разбуди Тхорика. Сходите за картошкой, пока люди на поле не вышли.

Картошку полицаи рыли на колхозном поле поздним вечером или на рассвете. Сегодня они немного проспали, пользуясь отсутствием своего «командующего». Суконка растормошил Тхорика. Они взяли по мешку и, хлопая широкими голенищами резиновых сапог, двинулись через болото к картофельному полю. Большая часть картофеля была уже выкопана и свезена в хранилище. Мет-

рах в трехстах от болота колхозники сложили три бурта, вероятно, на семена, из которых один был только прикрыт соломой. Боясь засветло идти к бурту, Суконка и Тхорик забрались в борозды и, вырывая ботву, начали руками выгребать клубни из влажной и холодноватой земли. Тут их и застал председатель колхоза Орлюк, проходивший с охотничьим ружьем вдоль болота.

Первым заметил Орлюка Тхорик. Шикнув на Суконку, он вытряс из мешка картошку и бросился в кусты. Суконка, забыв со страху о своем мешке, бросился вслед за ним.

— Стой, стрелять буду! — услышал он за своей спиной властный голос.

Предупредительный выстрел показался Суконке громом. Потемнело в глазах. Он бежал, не разбирая дороги, почти ничего не видя перед собою. Подальше, подальше от человека, на помощь которому в любую минуту могла сбежаться вся деревня! Он бежал до тех пор, пока в изнеможении не свалился в густом ельнике. Сапоги были полны воды. Оттуда она хлынула в брюки и, холодная, как лед, доползла до спины. Он вскочил, стянул сапоги, вытряс из них вместе с портянками остатки грязной воды. Прислушался.

Где-то неподалеку деловито стучал дятел. Изредка попискивали, порхая с ветки на ветку, шустрые синицы. Молчаливо и неподвижно стояли вокруг вековые ели в чепцах из литых золотистых шишек на поднятых к небу вершинах.

После только что пережитого смертельного страха этот нетронутый покой леса чуть не до слез растрогал Суконку. Он помнил эти деревья еще с детства, когда приходил сюда с шумной компанией сверстников по грибы или ягоды. Ему казалось, что те же самые синицы порхают и теперь, тот же дятел постукивает по сухому

дереву. Люди по-прежнему ходят спокойно по тому самому полю, пашут, сеют, косят, в праздничные дни идут друг к другу в гости, гуляют на вечеринках, свадьбах, родинах, где, выпив чарку, вспоминают то, что навсегда ушло от них вместе с оккупацией.

А почему он, Суконка, должен прятаться от тех, с кем когда-то вместе бегал в этот лес, свистел и аукал во все горло? Почему он должен, как собака, подбирать чужие объедки? Ходить на поле красть чужой картофель, чтобы выжить?

И все из-за того, что пошел на службу к гитлеровцам, помогал им строить «новый европейский порядок», от которого целые деревни убегали в леса, как от чумы. Теперь прилетел из-за границы «спадар». Говорит те же слова, что говорили немецкие «спадары». Правда, этот ругает немцев за то, что не удержались и удрали отсюда, хвалит американцев. Они, дескать, помогут ввести в Белоруссии «американский образ жизни». Суконка, как ратник бэнээр, получит после победы над Советской властью богатый хутор или прибыльную должность. То же, что сулил и Гитлер, если они, «гончаки» и «стремголовцы», будут хорошо ловить подпольщиков и партизан, безжалостно уничтожать их семьи. И у тех, и у этих, приславших сюда этого сопляка «Чечетку», песня одна и та же: жечь, грабить, убивать. И слова, чтоб вы сами сгорели, повытаскивали из каких-то старых чулок: «ратник», «спадар»... Тошнить начинает от всего этого... Нашли дураков!

Злой на весь свет, Суконка выжал брюки, выкрутил портянки и натянул сапоги. Надо скорее добираться до своего логова. Постояв с минуту и не заметив ничего подозрительного, Суконка двинулся в путь.

На старом месте он никого не нашел. Должно быть, Тхорик рассказал о встрече с Орлюком, и Черный Фомка

решил перебраться в более укромное место. Суконка обошел всю Волчью гряду, но никто не окликнул его. Солнце уже повернуло к закату, когда наконец перед ним, будто вынырнув из-под земли, появились Слуцкий и Борисовский, возвращавшиеся из поездки в Гродно.

— Что вы ищете здесь, спадар ратник? — строгим голосом спросил Слуцкий.— Почему шляетесь один далеко от базы? Разве не было приказа о том, что, кроме меня, спадара Борисовского и капитана Пикулича, никому не разрешается выходить за границы лагеря в одиночку?

— Так ведь лагеря нет.

— Как нет? Что вы, бредите?

— Лагерь разбежался, спадар полковник. В нас стрелял Орлюк.

Мокрые, все в болотной грязи брюки и стеганка Суконки подтверждали неприятную для «спадара» новость. Он опустил правую руку в карман и настороженно оглянулся.

— Орлюк был один?

— Один, спадар полковник.

Суконка рассказал о том, что произошло на картофельном поле. Подбородок и губы «командующего» стали жесткими.

— А где вы девали Тхорика?

— Он бросился в кусты раньше меня, спадар...

— Плохие из вас ратники, если вы бросаете друг друга! — зло сверкнув глазами, крикнул Слуцкий.— Вместо дружного союза и совместной борьбы за наше общее дело каждый заботится только о том, чтобы спастись самому. Разве могут наши союзники за границей надеяться на такое войско? Приказываю вам, спадар ратник, немедленно отыскать капитана Пикулича и

доложить мне. Мы будем ждать его на Зеленой кругловине.

Зеленой кругловиной назывался небольшой островок на моховом болоте, заросший молодым дубняком и орешником. Тут бывшими полицаями была вырыта и хорошо замаскирована небольшая землянка, в которой они отсиживались в непогожие и холодные дни.

Слуцкий, а вслед за ним и Борисовский, соблюдая все меры предосторожности, пробрались к тайной землянке. Отгребли старые слежалые листья от низкого дубового пня и отвернули его в сторону.

Один за другим они спустились через круглое отверстие в темную и влажную глубину старой землянки. Слуцкий торопливо достал из кармана и зажег электрический фонарик. Добытые во время налета на Вязынскую типографию шрифты, набранное и сверстанное много дней назад воззвание «К истинным белорусам» были на месте. Эту листовку не могли напечатать, потому что, как выяснилось в последнюю минуту, Слуцкий забыл захватить в типографии валик. На сколоченных из сосновых жердей нарах лежала бумага, стояла жестянка с краской.

Борисовский тоже щелкнул фонариком, повел узким лучиком по заплесневелым стенам. В одном углу стояли две ржавые лопаты, круглый бидон, видно, с керосином, валялась пара изношенных до основания резиновых сапог. На нарах, кроме бумаги и краски, были свалены старые тулупы и рвань — остатки серых немецких шинелей.

Слуцкий подошел к этой куче, отвернул ее в сторону и поднял крышку низенького широкого ящика. Борисовский увидел множество стеклянных и пластмассовых баночек и ампул, в каких обычно хранятся лекарства.

— Тут, спадар Борисовский, все в порядке,— закрыв и опять забросав тряпками ящик, проговорил Слуцкий.— Меня теперь беспокоит только этот Орлюк. Вы сами видели, что он слишком часто начал наведываться в лес. И один, и с колхозниками. Правда, они ходят как будто на тетеревов. А что, если это маскировка? Может, они выслеживают нас? И вот дошло уже до того, что он подкараулил наших ратников на картошке. Конечно, если бы мы не ездили в Гродно, то не позволили бы им засветло вылезать из лесу... Наш спадар президент даже не представляет там, в Париже, как трудно создавать здесь освободительное войско. Я даже не уверен, доходят ли до Рады мои сообщения. В последнем письме из Гродно я просил, чтобы мне прислали радиста и кое-какое обмундирование...

Они выбрались на свежий воздух, водрузили на место пень, присыпали его листьями. Борисовский делал все быстро, и Слуцкий не скрывал удовлетворения от того, что ему удалось завербовать хоть одного настоящего ратника. Черный Фомка начал даже завидовать новенькому, который стал первым доверенным лицом у командующего. Слуцкий часто шептался с ним о каких-то секретных делах...

Между тем Черный Фомка все еще не появлялся на Зеленой кругловине. Слуцкий то садился на пень, то вставал и обходил островок.

— Сегодня нам надо встретиться с дядькой Жибуртом. Он все-таки больше, чем кто-нибудь другой, содействует нашему делу. Поездку в Вильно придется, видимо, отложить.

— А может, туда и вовсе не стоит ездить? — спросил Борисовский.

— Как не стоит, если это приказ Рогули? — удивился Слуцкий.— Он мне сказал, что между белорусскими

и литовскими деятелями и по сей день идут споры, кому должно принадлежать Вильно: литовцам или белорусам? Спадар Абрамчик обещает забрать Вильно себе, если там проживает меньше литовцев, чем белорусов, и отдать его литовцам, если там их больше. Мне надо разведать все на месте и сообщить в Париж. Скажу вам, спадар Борисовский, по секрету, что ни наш президент, ни Рогуля не думают уступать литовцам Вильно, сколько бы там белорусов ни проживало...

Неподалеку послышалось клохтание тетерки. Слуцкий вскочил с пня и трижды прокричал в ответ. Тогда из-за лозового куста вышел Черный Фомка. Похудевшее за последние дни лицо его было хмурым. Он даже не улыбнулся, когда здоровался за руку со Слуцким и брал под козырек, приветствуя Борисовского.

— Где люди? — спросил Слуцкий Черного Фомку.— Отвечайте!

— Хлопцы перебрались на лучшую стоянку, спадар полковник. Но я не знаю, усидим ли мы и там. Сухонка вам докладывал о последних событиях?

— Да, мне все известно.

— Нет, не все, спадар полковник! — с искаженным от злобы лицом прошипел Черный Фомка.— Пока мы не уберем этого человека, нам здесь покоя не будет! Надо сейчас же обыскать лес и посмотреть, не сидит ли он со своим ружьем где-нибудь в кустах. Из-за него мы все сегодня голодные, как собаки...

— Не поднимайте паники, капитан Пикулич,— вмешался в этот разговор Борисовский.— Больше всего на свете я не люблю ошалевших от страха людей. То, что вы предлагаете, равносильно самоубийству. И я первый расстреляю вас за такой самовольный поступок. Вы просто никудышный офицер и нерадивый начальник. Доста-

точно нам было уехать отсюда на какую-нибудь неделю, как вы чуть не провалили все наши планы. И все из-за того, что нет никакой дисциплины. Кто где хочет, там и ходит, в лагерь люди возвращаются, когда в голову взбредет. Вы не умеете даже выбрать удобного места для лагеря. Нет, спадар капитан, так дальше продолжаться не может. С этой минуты либо вы будете точно выполнять приказы спадара Слуцкого, либо я ухожу от вас и создаю свое войско.

Металлические нотки в голосе Борисовского обрадовали и вместе с тем обеспокоили Слуцкого. Перед ним стоял настоящий ратник, живой, непоколебимый Гектор, который никогда не отступит перед опасностью. Ему, вероятно, понравились планы Абрамчика и Рогули, о которых Слуцкий рассказывал здесь и во время поездки в Гродно. Эти опустившиеся соратники Пикулича в подметки не годятся Борисовскому! И теперь, проявив такие ценные качества, он угрожает уходом!..

— Прошу вас, спадар Борисовский, не обижаться на капитана. Берите руль нашей гарнизонной службы в свои руки и правьте, как сочтете нужным. Пошли скорее в лагерь.

Борисовский и Слуцкий забраковали место, выбранное для лагеря Черным Фомкой. Через полчаса Слуцкий приказал перебираться в глубокую лощину, вокруг которой высились густые ели. К этому времени уже стемнело. В животе Суконки все ревело от голода. Посланные Слуцким на поле Тропашка и Тхорик притащили пуда два картошки. Капитан и Суконка посменно рыли колодец, чтобы добраться до воды. Борисовский пошел посмотреть, что делается вокруг.

Возвращаясь в лагерь, он завернул к суковатой рябине...

В ЖЕЛЕЗНОМ КОЛЬЦЕ

«Голодный и коня с копытами сожрет». Русакович-Борисовский вспомнил эту пословицу, глядя на Филистовича-Слуцкого и его «войско», которое стучало ложками и ковырялось в ведре с картофельным супом. Если бы они знали, что это за бывший офицер СД сидит с ними рядом, они, наверное, окачурились бы со страху. Могло быть и наоборот: выждав удобный момент, набросились бы на него, как волчья стая, и разорвали на куски. Так они когда-то поступали во время блокады с ранеными партизанами, прикрывавшими отход своих товарищей. Так они думают расправиться с Орлюком.

Как они ненавистны ему, эти пять бывших полицаев, один из которых заброшен сюда иностранным самолетом!

Можно было бы продлить игру в жизнь и смерть, передав полковнику Каленику, чтобы он предупредил Орлюка и его колхозников и запретил на время охоту возле Волчьей гряды. Можно было бы съездить с Филистовичем и в Вильнюс, и еще куда-нибудь.

Но у Русаковича было уже достаточно материалов, чтобы припереть Филистовича к стене и заставить его признаться не только в том, что он послан сюда Абрамчиком и Рогулей...

У Русаковича были доказательства, что за спиной так называемой Рады бэнээр стояли более крупные «спадары». Абрамчики, рогули, как и разные там островские, ермаченки,— обыкновенные холуи, которым заморский хозяин вне себя от злости за особое вознаграждение приказал пробраться в соседний дом и чинить там вред, как можно больше вреда. Конечно, это была бессмысленная затея, дикость, в которую трудно поверить здравомыслящему человеку, как когда-то не вери-

лось, что сумасшедший немецкий ефрейтор может дорваться до власти, чтобы убивать миллионы людей, жечь взрослых вместе с детьми в печах Освенцима, на страшных кострах Тростенца, превращать в ужасные кладбища цветущие города и села.

Вместе с чумной гитлеровской ордой на Белоруссию ринулись и гестаповские выкормыши: акинчицы, островские, козловские, рогули. Вместе с гитлеровцами они сожгли и разграбили Белорусский государственный университет, Академию наук, Театр оперы и балета, десятки институтов, сотни и тысячи белорусских средних и начальных школ. Они загоняли сотни тысяч людей за колючую проволоку концентрационных лагерей, хватали и вывозили на каторжную работу в Германию юношей и девушек, гонялись с кровожадными овчарками за детьми и стариками...

Русакович хорошо знал их, этих «белорусских деятелей», которые еще в 1918 году писали письмо кайзеру Вильгельму с просьбой ускорить присылку прусских солдат, ибо «Белоруссия — это лес, лен, мед, воск...» Немного позже все та же продажная Рада активно помогала Пилсудскому расстреливать дукорских партизан, жечь и уничтожать белорусские деревни, чтобы снова надеть на шею народа ярмо капиталистического угнетения...

В годы Великой Отечественной войны националисты прославляли и расхваливали в своих газетах гитлеровских «спадаров», «ратников» и «новый европейский порядок».

В великой борьбе выстояла и победила непоколебимая воля народа. «Деятели», которых не успели покарать за измену народные мстители, похватали свои заграничные чемоданы и бросились наутек. Русакович, пристроившийся в форме офицера СД к некогда воин-

ственному, а теперь ошалевшему от страха «союзу», победно посмеивался в душе над этими «завоевателями».

Неужели не изучают истории, забывают о многих красноречивых фактах из недавнего прошлого разные «спадары», именующие себя «истинными белорусами»? Филистович однажды признался Русаковичу, что Абрамчик и Рогуля посоветовали ему вербовать в «войско» в первую очередь тех, кто скрывается от советской власти,— бывших полицаев, немецких старост, грабителей, воров.

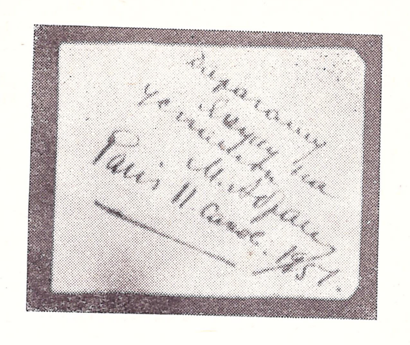
Русакович смотрел теперь на «войско» у ведра с варевом и думал о том, как оно встретит завтрашнюю операцию. Суконка, конечно, втянет голову в плечи и попробует скрыться в чаще. Все остальные схватятся за оружие, которое каждый даже во время сна держит при себе.

Патроны из обрезов и пистолетов никак не выбросишь. Проще всего — выбрать удобный момент и прошить всех пятерых из автомата. Это он мог сделать и в первый день своего прихода. Но многое осталось бы для органов безопасности нераскрытым. Перед Русаковичем был не рядовой шпион, а член так называемой Рады бэнээр, человек, учившийся в Сорбонне, а потом в Лувенском университете. Филистович неплохо знал мировую классическую литературу. Русаковичу часто приходилось притворяться перед ним простачком, этаким чисто военным человеком, которому наплевать на всякие там сентименты и романтику.

Однажды он высказал свое разочарование «войском», которое не увеличилось ни на одного человека.

— А я, а вы? — живо возразил Филистович.— Вдвоем мы стоим целой роты этих оборванцев, думающих пока что не головою, а желудком. Вы сами заметили, что после войны они уже никому не верят, живут, как

свиньи. Но мы должны их просветить, зажечь новыми идеями. Так что, спадар Борисовский, вам надо оставить эти минорные настроения. Если истинные белорусы потеряют надежды на новую войну, все наши планы могут рухнуть. Никто тогда не даст Раде ни цента... Так мне сказал перед моим отлетом сюда и Рогуля. Он предупредил меня, чтобы я посылал отсюда как можно больше радостных вестей. От этого зависит финансирование нашего похода.

Надпись на фотографии, подаренной Филистовичу «спадаром» Абрамчиком.

Чтобы еще выше поднять боевой дух Борисовского, Филистович извлек из полевой сумки фотоснимок «президента». Узенькие стрелки усов и продолговатое костлявое лицо Абрамчика напомнили Русаковичу давно забытые портреты немецкого фюрера.

— А теперь посмотрите, пожалуйста, на тыльную сторону спадара президента,— попросил с волнением в голосе Филистович.— Видите?

Русакович повернул Абрамчика «тыльной стороной». Там красовалась милостивая надпись о преподнесении «президентом» этого тыла, как и лицевой части, на память своему «ратнику».

— Мне этот портрет подарили для того, чтобы я знакомил здешних белорусов с их президентом,— пояснил Филистович.— Его же здесь люди никогда и в глаза не видели. Так пускай теперь смотрят и знают, каков он из себя.

Борисовский, возвратив «президента» Филистовичу, заметил, что он тоже впервые видит такую выдающуюся особу.

Филистович спрятал «спадара президента» в полевую сумку и улыбнулся: ему пришлась по душе простоватая откровенность Борисовского.

— Хотите, я вам расскажу о моей первой встрече с ним,— начал Филистович.— Это было в Париже. Я уже к тому времени создал «Белорусскую независимую организацию молодежи», выпускал журнал «Моладзь». Мы принимали в организацию тех, кто при немцах служил в полиции, в карательных отрядах, а также детей бургомистров и старост. Спадар президент еще ничего об этом не знал. Кто-то его неправильно информировал о нашей организации, будто она то же самое, что и Рада бэнээр. Ну, он и начал меня разыскивать, чтоб выяснить мои взгляды.

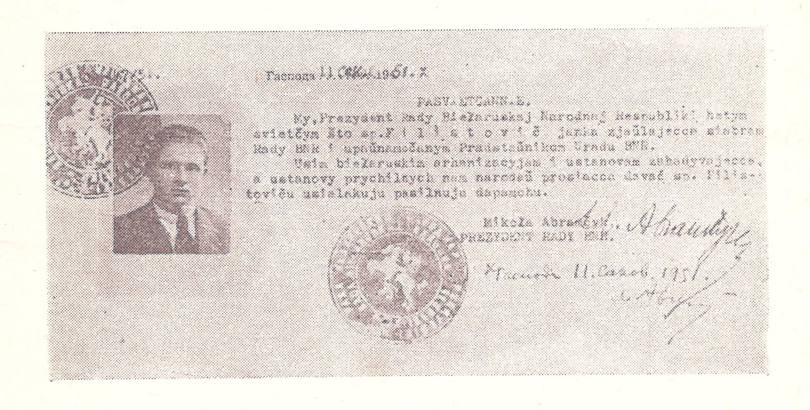
— А зачем это ему надо было?

— Видите ли, спадар Борисовский,— пояснил Филистович.— На Западе есть и второе правительство — Белорусская центральная Рада, организованная еще Вильгельмом Кубэ. Президентом ее Гитлер хотел поставить Акинчица. Но, как вам известно, Акинчиц не успел занять свое место в Раде — его застрелили партизаны. Тогда гауляйтер Готберг назначил президентом Рады спадара Островского. Ну, так теперь Островский не любит Абрамчика, а спадар Абрамчик — Островского. Каждый называет другого самозванцем. Иногда даже бывает противно слышать, как руководители этих правительств поносят друг друга. Только об этом не стоит здесь рассказывать... Так вот, пошел я однажды в собор Сан-Сюльпис в Париже. Там часто собираются белорусские эмигранты. После богослужения ко мне подошел помощник спадара Абрамчика и сказал, чтобы я

зашел к президенту. Я пошел. Спадар президент начал меня расспрашивать про «Белорусскую независимую организацию молодежи»: что это за организация, каковы ее задачи? Было заметно по вопросам, что президент очень обеспокоен и встревожен. Я ответил, что мы боремся за идеи бэнээр и будем выполнять приказы его правительства. Во второй раз, тоже после богослужения в соборе Сан-Сюльпис, видимо, получив верную информацию, спадар президент меня похвалил и обещал сделать членом Рады и полномочным представителем бэнээр. Немного позже я получил вот что...

Слуцкий достал из полевой сумки и подал Борисовскому бумагу с печатью и напечатанным на машинке латинскими буквами текстом.

— Хлопцам я показывал это удостоверение при первой встрече,— заметил Филистович.— Иначе они заподозрили бы во мне агента советской контрразведки. Конечно, их больше убедил заграничный пистолет и пять

Paryž 11.[illegible].1951.

PASVIEDČAŃNIE.

My, Prezydent Rady Bielaruskaj Narodnaj Respubliki, hetym sviedčym što sp. F i l i s t o v i č Janka źjaŭlajecca siabram Rady BNR i upaŭnamočanym Pradstaŭnikom Urada BNR.

Usim bielaruskim arhanizacyjam i ustanovam [illegible], a ustanovy prychilnych nam narodaŭ prosim davać sp. Filistoviču usialakuju pasilnuju dapamohu.

Mikoła Abramčyk,
PREZYDENT RADY BNR.

Удостоверение, выданное Филистовичу так называемой Радой бэнээр.

тысяч рублей деньгами, которые я им передал через одного человека...

Многое узнал Русакович за последние дни о Филистовиче, и угроза Черного Фомки расправиться с Орлюком лишь ускорила принятие решения: ликвидировать бандитский лагерь на Волчьей гряде.

Всю ночь Русакович пролежал не смыкая глаз. В голову приходили разные тревожные мысли. Успеет ли полковник получить вовремя «почту»? А может, у него другие планы? Во всяком случае Русакович о них ничего не знал и решил, что если операция по каким-нибудь причинам будет отложена, он уничтожит Черного Фомку прежде, чем тот решится подойти к избе Орлюка.

Бандиты выходили из лесу только тогда, когда совсем темнело. Единственное нарушение этого правила Суконкой и его напарником чуть не кончилось провалом. Борисовский настоял, чтобы в следующую ночь все разошлись на поиски пищи и теплой одежды. Уже давали себя знать первые утренники, трава и кустарники покрывались сероватым инеем. Так недолго и захворать. А больной человек, как известно каждому, не вояка.

Как только стемнело, все ушли с Волчьей гряды, оставив на посту одного Тхорика. Филистович, Черный Фомка и Тропашка направились к Понятичам. Борисовский на этот раз взял с собой Суконку.

С Волчьей гряды они вышли около полуночи и, перебравшись через болото, свернули на один из ближайших хуторов. Суконка хотел остаться сторожить у ворот, но Борисовский приказал ему идти во двор. Потом он постучал три раза в темное, завешенное окно и, когда чей-то мужской голос спросил грубо, кого это там носит такой порой, ответил: «Два старых подосиновика». В сенях застучали, открылась дверь. Едва Суконка пересту-

пил порог, как дверь, словно автоматическая, захлопнулась за ним и кто-то крепко схватил его за обе руки.

— Засада! — вырываясь из неожиданных объятий, завизжал он в диком отчаянии.

По глазам его резанул свет электрического фонарика.

— Успокойтесь, гражданин Суконка,— услышал «ратник» какой-то чужой голос Борисовского.— Заходите в избу.

Глаза Суконки полезли на лоб от ужаса, когда его легонько подтолкнули к ясному просвету открытой двери. Здесь он увидел человек десять вооруженных солдат и офицеров. Один из них шагнул навстречу Борисовскому. Борисовский взял под козырек и отчеканил:

— Здравия желаю, товарищ полковник. Старший лейтенант Русакович по вашему приказу прибыл. А вместе с ним — один из «ратников бэнээр», Суконка.

— Добрый вечер, спадар, добрый вечер! — весело засмеялся Данила Николаевич, обнимая Русаковича.— Ну, брат, и воняет же твоя телогрейка дымом. Не из коптильни ли ты выскочил? Ничего не заметил возле хутора?

— Нет. А что?

— Молодцы ребята, хорошо замаскировались, если даже ты их не заметил! Ну, об этом после. Оружие у твоего «ратника» есть?

— Нет, Данила Николаевич. Ему еще не успели прислать с Запада.

— Выведите его в сени,— приказал Данила Николаевич бойцам.— А ты, Василий Иванович, присядь и коротко расскажи о своем плане операции. Сколько человек должно пойти с тобою в лагерь?

— Столько, сколько из него со мною вышло, Данила Николаевич...

7 Зак. 59

Через час, расставив бойцов, Русакович и переодетый оперработник приблизились к стоянке. Она была уже охвачена плотным кольцом. Услышав шаги, Тхорик заклохтал тетеркой. Русакович ответил ему. Тхорик стоял далеко от костра и вышел с обрезом наготове к свету лишь тогда, когда убедился, что перед ним Борисовский.

— Ты один? Никто еще не возвратился? — спросил Русакович.

— Один,— озабоченно осматриваясь вокруг, ответил Тхорик.— А где девался Суконка?

— Сейчас, верно, явится,— успокоил Тхорика Русакович.— Обожрался на хуторе, так никак не сладит со своим брюхом.

Тхорик сунул за ремень обрез и начал поправлять костер. Этого и ждал Русакович. Он мигом свалил его на землю, зажал фуражкой рот. На помощь подбежал оперработник. Минут через пять Тхорика подхватили под руки бойцы и повели, заткнув рот тряпкой, подальше в лес.

Русакович приказал сузить кольцо вокруг бандитской стоянки, сел возле костра и стал ожидать появления остальных «ратников». Двое были уже в его руках. Оставались Тропашка, Черный Фомка и Филистович. Перед уходом из лагеря Черный Фомка предупредил Филистовича и Борисовского, что он сегодня, должно быть, вернется поздновато. В Понятичах у него были какие-то личные дела.

«Самогонку жлуктить будет до утра... Ну и черт с тобой! — выругался в душе Русакович.— Часом раньше или позже, но это твоя последняя ночь на Волчьей гряде. И мой последний ночлег в лесу...»

В ту минуту он и думать не мог, что ему придется

остаться здесь и на вторую, и на третью ночь. А случилось это вот как.

Филистович-Слуцкий, как известно, всегда осторожничал и медлил, подходя к лагерю. Так он поступил и теперь. Остановившись вроде бы для того, чтобы поправить портянку, он пропустил далеко вперед Тропашку с обрезом. Тропашка вошел в кольцо засады. В этот момент кто-то из бойцов неосторожно повернулся. Грянул неожиданный выстрел. Тропашка упал и начал отстреливаться. По нему дали очередь из автомата...

Почуяв беду, Слуцкий кинулся в сторону деревни. За каждым кустом, за каждым деревом ему чудилась ловушка. Лес для него опять стал мстительно-страшным, как когда-то в дни войны.

Не останавливаясь даже чтобы перевести дух, часто спотыкаясь и падая, спадар Слуцкий добрался до деревни. Здесь не должно быть солдат с автоматами, смело можно попроситься в избу. Даже не попроситься, а просто зайти и сказать, что ты, мол, шофер, у тебя застряла машина и тебе надо где-нибудь переночевать...

Он зашел во двор и осторожно постучал в освещенное окно. Какой-то старик сидел за столом в углу и, нацепив на нос очки, читал перед лампой газету. Со двора была видна еще печь, кровать возле нее, дальше — дверь в горницу... Услышав стук, старик отложил газету, посмотрел мельком в окно и пошел отворять. Филистович отступил от окна и шагнул к крыльцу...

Дед Алексей, спросив «кто там», пропустил незнакомого в кухню. Вид у спадара Слуцкого был страшный. На груди под запачканным серым плащом торчало что-то угловатое. Опытный глаз деда Алексея сразу определил, что это оружие. Не имеет ли ночной гость отношения к недавней перестрелке в лесу?

— Чего же ты стоишь, человече? — заговорил дед Алексей.— Говорят, в ногах правды нет. Раздевайся, садись.

— У вас в хате только свои? — кивнув на дверь в горницу, спросил Филистович.

— Свои, свои, человече. Ты что, разве кого ищешь?

— Нет. Разве вы меня не узнали, дядька Алексей? Я Филистович Янка. Помните, меня дразнили «Чечеткой».

Дед Алексей удивленно развел руками.

— Скажи ты! Ну, постарел же ты, хлопец. И теперь не могу поверить, что это ты и есть. Хотя что говорить! Бегут годы. Я вот уже, слава богу, внука вырастил и женил... Да раздевайся ты, садись. Я сейчас позову невестку, пусть принесет чего-нибудь перекусить.

Старик пошел в горницу. Филистович поспешно сбросил плащ, выхватил из-за пояса автомат и, завернув его в плащ, сунул под скамью. Опустил руку в карман и, нащупав пистолет, немного успокоился. Достал расческу, причесался.

Дед Алексей вернулся быстро. Шедшая вслед за ним молодица с достоинством кивнула Филистовичу в знак приветствия. За нею показался сын старика.

На припечке затрещала охваченная огнем щепа, зашипело сало на сковороде. Дед достал откуда-то бутылку, как видно, с водкой.

— Если бы ты, человече, зашел к нам на полмесяца раньше, как раз бы на свадьбу попал,— добродушно говорил старик Филистовичу.— Сто двадцать человек гуляло у нас. Однако и тебе вот осталось, только не своей работы. Наш начальник милиции, чтоб ему каждую ночь по жулику снилось, не разрешил выгнать «своей»...

Филистовичу понравилось, что дед Алексей не очень добрым словом помянул начальника милиции.

Вскоре стол был весь заставлен едой.

Филистовича посадили в самый угол, старик сел с одной стороны от него, сын — с другой. Дед Алексей налил каждому почти по полному стакану, как он говорил, «лекарства». Филистович пить отказался.

— Ну, это уж не годится,— зашумел старик.— Тот не человек, кто не выпьет в моей хате хоть полстакана.

— Не могу я, дядька Алексей.

— Нет, человече! Взялся за гуж, не говори, что не дюж. Слушать даже не хочу твоих отговорок. Пей!.. Хоть немножко.

Филистович болезненно поморщился и немного пригубил из стакана.

— Ну, если на то пошло, так и у меня живот не солдатский,— глотнув немногим больше Филистовича, проговорил дед Алексей.— Еще года четыре тому назад она легохонько шла у меня. Пол-литра благословлю и, кажется, только тверже на ногах стою. Твой отец до войны тоже неплохо разбирался в этом лекарстве. Где он теперь?

— Ничего о нем не знаю. Все это время я из Челябинска никуда не выезжал.

— Где ж ты там работаешь?

— На тракторном. Теперь решил взять отпуск и навестить родные места.

— А за это ты молодец! — похвалил Филистовича дед Алексей.— Давай еще выпьем. За челябинские тракторы. Тут, человече, ты уже не отвертишься.

— Я же сказал, дядька Алексей, что не могу.

— Э-э, нет!..

За столом поднялся шум. Сын деда Алексея тоже придвинулся вплотную к Филистовичу и стал его уговаривать выпить «хоть каплю»... Пожалуй, никто и не заметил, как тихо отворилась дверь и в избу вошли двое военных. За ними показался внук деда Алексея.

— Руки вверх, гражданин Филистович! — негромко произнес один из военных.

Правая рука Филистовича попробовала потянуться к карману. Дед Алексей заметил это движение.

— Ты что же, парень, не слыхал команды? Давай, давай!..

— Поглядите, товарищ Савчук, нет ли у него оружия,— приказал военный, не опуская пистолета.

Дед Алексей с одной стороны, а его сын с другой начали ощупывать карманы Филистовича.

— Есть одна игрушка, товарищ командир! — весело сообщил дед Алексей.— Пистолет... А я думал, что он гол, как сокол.

— Больше оружия нет? — спросил Филистовича военный.

— Нет...

— Хорошо. Вылезайте из-за стола.

Дед Алексей уступил Филистовичу дорогу, и тот стал вылезать из-за стола. Проходя мимо лампы, он резким взмахом руки ударил по ней, и в избе сразу стало темно, как в погребе. Филистович пригнулся и бросился к скамье, под которую положил плащ с автоматом. Вот он уже нащупал ствол, потянул оружие к себе. Но в этот момент в глаза ему ударил сноп электрического света. Кто-то тяжелый, как медведь, навалился на Филистовича, сжал его правую руку, вырвал из нее автомат.

— Осторожно, товарищи! — забеспокоился военный.— Трое таких молодцов!.. Еще задушите... Дайте ему встать. Товарищ Петровский, скажите, чтобы сюда подогнали машину.

Невестка деда Алексея принесла из горницы лампу.

Филистович дрожал от бессильной злобы. Заметив в его глазах недобрый, мстительный огонек, дед Алексей проговорил спокойно, даже ласково:

— Чего ты на меня, Чечетка, вызверился? Сам виноват. Велика Федора, да дура.

— Это, товарищ Савчук, не дура, а враг, волк,— заметил военный.

— А разве, товарищ командир, волк умный? — возразил дед Алексей.— Хитрость — это еще не ум. А у них что? Хитрость да злоба...

В избу вошли два бойца с автоматами. Один из них доложил:

— Машина во дворе, товарищ лейтенант.

— Ведите его,— кивнув в сторону Филистовича, приказал лейтенант.— А вам, товарищи Савчуки, спасибо за помощь.

— А-а, чего тут благодарить. Для самих себя стараемся. Я только боялся, чтоб этот выродок не услышал, как внук через окно вылезал, торопясь к вам...

В ту ночь Черный Фомка недолго лакомился самогонкой в Понятичах. Услыхав перестрелку в лесу, он выскочил на улицу. Но на Волчью гряду не побежал, а забрался в сарай своей гостеприимной хозяйки и там спрятался в сене. Он слышал, как к соседнему двору подъехала машина, как кто-то кому-то властным голосом приказал лезть в кузов. Так могут говорить только военные при исполнении служебных обязанностей. Черный Фомка еще услышал, холодея всем нутром, осторожные шаги за стеной, приглушенное позвякивание оружия. Кто-то ожесточенно чиркал спичкой о коробок.

— Да, ночка для них сегодня рябиновая! — донеслось до Черного Фомки.— Пошли, Боровик. Посмотрим, что делается на другом конце деревни.

Черный Фомка задремал лишь под утро. Он стал бояться даже Кати, хозяйки, у которой бывал не раз,

и не окликнул ее, когда она заходила в сарай, чтобы подоить и отправить на пастбище корову.

Что случилось? Что теперь там, на Волчьей гряде? Столько лет она надежно скрывала их, и вдруг... Во всем виноват этот слизняк из бэнээр, чтоб ему вместе с его правительством сквозь землю провалиться! Пока он боролся за «независимую Беларусь» в Париже, на Волчьей гряде все было тихо. А теперь — присяги, обращения, вербовки. Скажи про такие дела самому последнему колхознику,— он только плюнет тебе в глаза или посмотрит, как на сумасшедшего! И зачем было принимать его в свою компанию?!

А может, это Антон Хвощ навел органы безопасности на их след? Последнее время он и носа не показывал. Все та же хозяйка говорила, что теперь парень ежедневно ходит на работу и трудится за троих. Орлюк даже похвалил его на последнем собрании. Позавчера колхоз праздновал свадьбу Антона и Веры. Так что ему теперь не до Волчьей гряды. Да в конце концов он просто побоится. Во всем виноват Орлюк. Жаль ему стало мешка колхозной картошки!.. Начал ползать возле Волчьей гряды, вынюхивать... Он, наверное, нашел мешок, который с перепугу забыл в картошке Суконка. А мешок-то меченый...

Ночью Черный Фомка выбрался из сена, зашел на минутку к Кате перекусить. Катя сообщила, что на Волчьей гряде застрелили Тропашку и будто бы похватали всех, кто там был.

Черный Фомка заскрежетал зубами.

— Я знаю, кто это сделал. Рассчитаемся как-нибудь. Дай мне с собою хлеба и сала.

Только на четвертый день к вечеру Черный Фомка появился на Волчьей гряде. Напрасно он много раз повторял условный сигнал. Никто не откликнулся. Волчья

гряда теперь напоминала ему кладбище. Казалось, земля оседала у него под ногами, живого еще затягивала в свою беспощадную глубину. Фомка кинулся прочь, надеясь, что, может быть, в Зеленой кругловине найдет какие-нибудь следы. В сумерках он добрел до островка и осмотрелся. Дубовый пень сдвинут в сторону. Значит, в землянке кто-то есть. Держа пистолет наготове, Черный Фомка трижды прокричал тетеркой. Ему ответили.

— Кто там? — крикнул Черный Фомка, чувствуя, как дрожит его рука с пистолетом.

— Это вы, спадар Пикулич? — вместо ответа спросил из-под земли Борисовский.— А я уже думал, что они схватили и вас. Ну и набрался же я страху за последние дни. Скорее залезайте сюда.

— Нет, я туда не полезу,— отступая от темного отверстия, проговорил Черный Фомка.

У него закипал гнев и на Борисовского. Эти молодчики из СД словно нюхом за сотню километров чуют опасность и всегда выходят сухими из воды. Во время войны отсиживались, сволочи, в гарнизонах, а против партизан, в самое пекло, посылали Черного Фомку!.. Вот и теперь... разлегся где-то там на нарах, сделанных чужими руками. Спадар чертов!.. Свой мешок с награбленными часами, видно, успел спасти...

Борисовский, громко зевая в сумраке, выбрался наружу. Спросил лениво:

— И что мы одни будем делать?

Черного Фомку будто обдало кипятком.

— Что делать?! Я вам сейчас покажу, что делать! За мной!..

Борисовский поправил на груди свой автомат. Заговорил спокойно:

— Я не вижу цели, спадар Пикулич. Прежде чем

подавать команду, нужно поставить определенную задачу и разъяснить, как лучше ее выполнить. Вы не сделали ни того, ни другого. А может, вы захотели броситься в огонь или утопиться? В таком случае, я не имею никакой охоты следовать за вами.

Над лесом поднималась багровая луна. Черный Фомка глянул на ее мертвое, застывшее лицо и засмеялся хрипло и жестко:

— Мы пойдем, спадар Борисовский, в гости к Орлюку. Я считаю, что именно он и подстроил весь этот погром... Так пусть знает, как совать нос в чужие дела.

— Я уже однажды удержал вас, Пикулич, от этой глупости. Теперь вы опять за свое...

— Да, за свое! И вы мне поможете! Вы пойдете впереди.

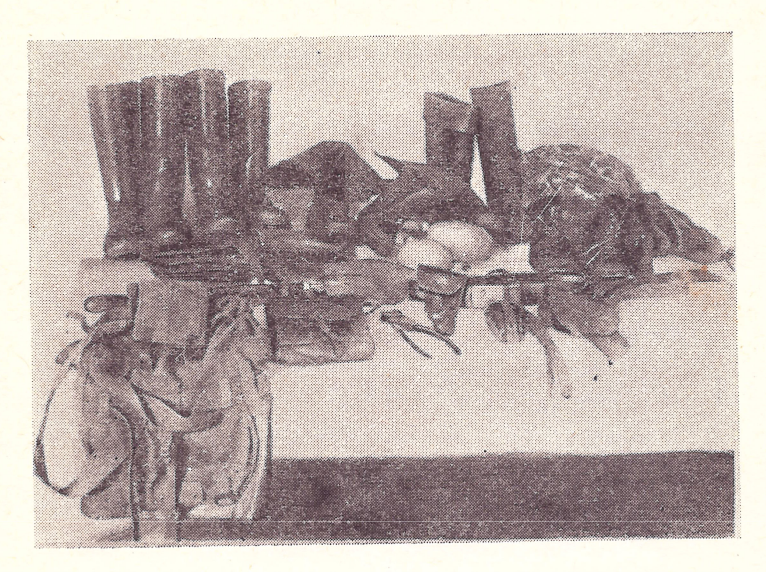
Борисовский не согласился с таким предложением.

— Тогда получишь пулю в лицо! — теряя рассудок от злости и хватаясь за пистолет, крикнул Пикулич.

В следующее мгновение короткая автоматная очередь свалила Черного Фомку на землю.

НА ДОПРОСЕ

Старший следователь майор Григорий Захарович Ладутько настойчиво и терпеливо распутывал клубок преступлений, совершенных Слуцким-Филистовичем. Иногда нити были грубо и наспех связаны одна с другой, иногда концы терялись и нужно было время, чтобы их отыскать. Тогда в район Вязыни или на Волчью гряду выезжали оперативные работники и проверяли, соответствуют ли показания Филистовича действительности. Он трижды называл место, где зарыты те или иные документы, дневники, полученные на Западе день-

Вещи, найденные у бандитов, которых возглавлял американский шпион.

ги и вещи, и каждый раз врал. Зато довольно подробно рассказывал о том, как вместе с Черным Фомкой лазил в типографию, как сам набирал антисоветское воззвание и принимал «присягу» от банды бывших полицаев.

Ладутько, видя, что Филистович изо всех сил обходит самое важное, самое главное, ради чего он сюда прибыл, медленно, но настойчиво шел к своей цели. Это терпение старшего следователя удивляло и даже злило стенографиста, молоденького лейтенанта Перепечку. Однажды, когда Филистовича вывели, Перепечка не сдержался и заговорил, весь красный от гнева:

— Меня удивляет, Григорий Захарович, как вы можете спокойно слушать контрреволюционную болтовню этой нечисти?! Я записываю и чувствую, как от его слов коробится бумага. Поднимать руку на свою Родину, на

свой народ?! Какая грудь вскормила его? Кто его научил оскорблять самое святое для человека — свое отечество? Мне кажется, время кончать с этим собачьим лаем и передавать дело в суд.

Майор сочувственно посмотрел на лейтенанта.

— Успокойтесь, товарищ Перепечка. Я сам когда-то был таким же молодым и горячим. Неужели вы и сегодня не заметили, что этот «спадар» очень охотно рассказывает о том, что мы уже хорошо знаем, и молчит, будто воды в рот набрал, о главной цели своего путешествия в Белоруссию? Он испытывает наше терпение. Но, как говорится, поживем — увидим. Старший лейтенант Русакович ненапрасно ходил с ним рядом на Волчьей гряде и провожал его в Гродно.

На следующий день допрос начался без особого напряжения как для следователя, так и для арестованного. Филистович уже привык к спокойному, ровному голосу следователя и к неприязненным, даже открыто ненавидящим взглядам молоденького лейтенанта.

— Вот вы, гражданин Филистович, показывали прежде, что Николай Абрамчик послал вас сюда, чтобы вы проводили контрреволюционную работу среди населения и готовили мятеж против Советской власти в Белоруссии. Для этого, как известно, нужны люди. На кого вы и Николай Абрамчик рассчитывали? На колхозников, на рабочих, на интеллигенцию? Отвечайте!

Филистович повел подбородком.

— Я уже вам однажды отвечал на этот вопрос. Николай Абрамчик и Рогуля советовали мне, чтобы я не связывался с людьми, которые ведут нормальный образ жизни...

— Что вы понимаете под этим?

— Ну, с людьми, которые нормально работают и от-

дыхают, не пьянствуют и пользуются уважением своих соседей.

— А с кем же вы тогда должны были начинать свое дело?

— Рогуля мне сказал, что бывшие немецкие старосты, полицейские, словом, лица, помогавшие гитлеровским оккупантам, должны стать основой вооруженных сил бэнээр. Я должен был разыскивать разных скомпрометированных перед населением и Советской властью людей и вербовать их в войско.

— И много вы завербовали людей за время вашей деятельности?

— Как я уже говорил раньше, я нашел группу бывших полицаев на Волчьей гряде. Это были люди совсем опустившиеся и никакой ценности для бэнээр не представлявшие, за исключением главаря банды Пикулича. Наиболее боеспособным был человек, которого завербовал я.

— Вы на предыдущих допросах не называли этого человека. Его фамилия? Еще раз предупреждаю, чтобы вы говорили только правду.

Филистович с минуту подумал и ответил:

— Его фамилия Борисовский.

— Фамилия или кличка? Может быть, он такой же Борисовский, как вы Слуцкий?

— Его звали Денисом Воробьем.

— Чем же он вам понравился?

— Своим отношением к делу, дисциплиной, смелостью. С ним я мог говорить открыто о многих своих планах, не опасаясь, что он меня выдаст в случае провала. При немцах он работал в СД, значит, человек для нас надежный...

— Абрамчик и Рогуля знали, посылая вас в Белоруссию, что здесь происходит?

— Нет. Перед моей поездкой сюда Рогуля сказал мне, что у них нет никакой серьезной информации, поэтому меня и посылают — посмотреть все на месте и сообщить им.

— Откуда же вы знали, что на Волчьей гряде прячутся полицаи? Кто вас с ними свел?

— Я не знаю его фамилии...

— Вы говорите неправду. Взгляните на эту фотографию. Кто это?

— Это брат моей матери...

— И вы не знаете фамилии своего родного дяди? Вспомните, кто с вами останавливался на огороде лесника Жибурта? У вас тогда на плечах был узел с заграничным имуществом.

Филистович нахмурился и опустил голову.

— Хотите, я сведу вас сейчас с этим человеком, как он свел вас с бывшими полицаями? — спросил Ладутько.

— Не надо,— упавшим голосом произнес Филистович.— С полицаями меня действительно познакомил дядька Жибурт.

— Какие вы показывали им документы при первой встрече? Посмотрите сюда. Это ваше удостоверение? Здесь говорится, что вы являетесь членом Рады бэнээр.

— Да, мое.

— А этот паспорт и военный билет на имя Стахевича? И на одном и на другом ваши фотографии?

— Мои, гражданин следователь.

— Почему именно на имя Стахевича? Вы его знали?

— Знал. Стахевич учился до 1939 года в одном со мной классе польской школы. Потом он поступил в ФЗО и выехал на Урал. При немцах его здесь не было. Я подумал, что он погиб в войну, и поэтому сказал, чтобы документы выписывали на его имя. На случай, если меня задержат органы Советской власти.

— Что же обнаружилось на месте?

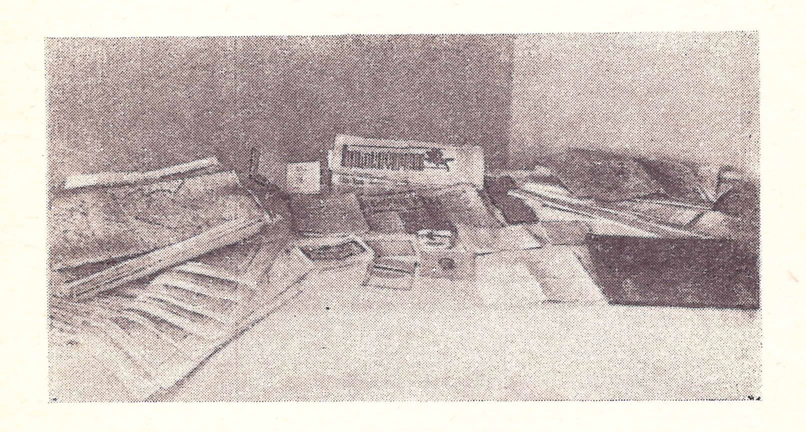
— Полная неожиданность, гражданин следователь. Стахевич оказался в полном здравии и работал председателем сельсовета. Тетка и дядька посоветовали мне спрятать документы как можно дальше, потому что с ними меня быстро задержали бы...

— Других документов у вас не было?

— Нет, гражданин следователь.

В это время в дверь постучали. Филистович сидел спиной к двери и не видел человека, который вошел в кабинет. Тот передал майору Ладутько папку с бумагами и что-то тихонько сказал ему. Этого было достаточно, чтобы Филистович резко, до хруста в позвонках, повернул голову в сторону вошедшего.

В глазах члена Рады бэнээр отразилось величайшее удивление, которое тут же перешло в растерянность и страх. Это было невозможно, невероятно, нелепо... Еще более нелепо, чем в случае с документами на имя Стахе-

Топографические карты, деньги, антисоветские газеты и другие вещи, найденные на шпионской «базе».

вича. Филистович не выдержал и вскочил со стула. Подбородок его задрожал, зубы застучали.

Рядом со следователем, сидевшим за широким письменным столом, стоял «самый сознательный, самый дисциплинированный и отважный ратник» Борисовский в форме офицера государственной безопасности. Человек, так заботливо оберегавший «спадара Слуцкого» от всяких неожиданностей, когда они пешком добирались до станции Молодечно, доверенное лицо, в присутствии которого он вел беседы с хозяйкой квартиры в Гродно и писал письма за границу... Чтоб они там все передохли, эти абрамчики, рогули, островские! Какой же он был дурак, что послушал их и поехал сюда. Сволочи! Любят загребать жар чужими руками! Чтобы запасти на черный день побольше долларов!..

Филистович в изнеможении осел на стул, весь мокрый от пота.

— Что? Может, на сегодня хватит, гражданин Филистович? Вероятно, устали?

— Да, я попросил бы вас отложить допрос до завтра.

— Пожалуйста. Прочитайте и подпишите протокол.

Майор Ладутько и сам хотел сделать перерыв. Старший лейтенант Русакович принес ему найденные на Волчьей гряде и в сарае Жибурта новые доказательства той деятельности Филистовича, о которой члену так называемой Рады бэнээр совсем не хотелось говорить.

Ладутько еще раз перечитал все протоколы допросов Филистовича, лесника Жибурта, бывшего полицая Суконки, показания колхозников. Нигде он не нашел ни единого слова о том, в чем подозревали Филистовича полковник Каленик и генерал Пронин.

Пронин первым указал Ладутько на узелок, за который надо было уцепиться следователю.

Генерал любил приезжать минут за десять-пятнадцать до начала работы. Сегодня ровно в девять часов в кабинете Ладутько зазвонил телефон. Следователь снял трубку.

— Майор Ладутько слушает.

— Добрый день, Григорий Захарович! Говорит Пронин. Загляни ко мне на минутку.

— Есть, товарищ генерал!

Вскоре он уже стучал в знакомую дверь. В кабинете послышалось сперва покашливание, потом немного хрипловатый, простуженный голос произнес:

— Войдите.

В кабинете генерала сидел полковник Каленик. Генерал ходил из угла в угол. Он недовольно морщился и говорил, резко махая рукой:

— Нет, Данила Николаевич, я и этим заядлым любителям сказал, что в Моздок я больше не ездок. Они такие лгуны, каких еще свет не видел. Послушать их, так в каждой луже сидит самое малое по десять щук, которые только и ждут, чтоб ты подбросил им блесну. Что уж говорить о Березине или Немане! Если верить им, там рыба сама на сковороду просится. Бери да ешь... Нет, лучше бы я в этот выходной сходил в театр или почитал хорошую книжку. И ты, Данила Николаевич, тоже хорош! Если б не твои уговоры, я, может быть, и не поехал бы за этой простудой на Неман.

— Рыба, Евгений Петрович, такое хитрое создание, что не всякий раз бросается на блесну,— заговорил Каленик.— Многое в ее поведении зависит от погоды, от температуры воды. Ну кто мог знать, что только мы приедем на реку, как сразу поднимется ветер? Да еще какой: северный! А при таком ветре вы щуке хоть рыбные котлеты под нос суйте, она и не подумает их брать...

Как понял Ладутько из разговора, генерал не выдержал атаки любителей-рыболовов, неоднократно искушавших его провести выходной день со спиннингом на берегу реки, и выехал вместе с ними на рыбалку. Холодный осенний дождь и ветер не очень содействовали отдыху после недели напряженного труда. Простудился не только генерал, но и Каленик. К тому же ни одна щука, как нарочно, не польстилась на генеральскую блесну.

— Может ты, Григорий Захарович, хочешь заняться рыбным промыслом? — обратился генерал к майору Ладутько.— Бери мой спиннинг и таскай себе на здоровье пудовых щук! Бери! В придачу получишь запас пенициллина и кальцекса.

— Благодарю, Евгений Петрович. Я люблю ловить рыбу в магазине.

— Не хочешь, как хочешь...— улыбнулся генерал.— Ну, как там у тебя дела с его светлостью членом Рады? Признался он, кто в действительности и с какой целью организовал его путешествие в Белоруссию?

— Пока что нет, Евгений Петрович.

— Вы ему еще не показывали его письма за границу?

— Нет, Евгений Петрович.

— Теперь покажите. И спросите, кто такой Стиф. Я думаю, это надежный ключ к секретам господина Филистовича...

Новые материалы, доставленные Русаковичем, подтверждали предположения генерала. Филистович был приперт к стене.

Очередной допрос Ладутько начал опять с документов, выписанных на имя Стахевича. Филистович сказал, что на прошлом допросе он забыл назвать фальшивые справки, будто бы выданные на Челябинском тракторном заводе.

— Больше ничего у вас не было?

— Нет.

— Хорошо. Тогда, может быть, вы расскажете, кто такой Иоганн Флигер?

Филистович с тревогой посмотрел на папку, лежавшую на столе следователя. Ответил сквозь зубы:

— Флигер это я.

— Зачем вам нужен был немецкий паспорт?

— Чтобы пройти через территорию Германии.

— Но вы, кажется, прилетели сюда на самолете?

— Паспорт мне понадобился бы при возвращении на Запад.

Польские деньги, которые выдала Филистовичу американская разведка.

— А польский паспорт и военный билет на ваше имя? Фальшивые справки разных польских учреждений? Вы ничего не говорили о таком богатом и разнообразном запасе документов. Хотите, я вам их покажу?

— Не надо. Все это правда.

— Тогда вы, может быть, назовете наконец имя или кличку человека, предусмотрительно подготовившего вам такую массу охранных грамот?

— Я получил их от Рогули.

— Вы опять говорите неправду.

— Нет, на этот раз я говорю правду.

— Вы так считаете? А я, например, имею основания сомневаться. Ну, вот что: расскажите, пожалуйста, содержание черновиков ваших сообщений в Париж. Вот они. Вы их зарывали в землянке за Волчьей грядой. Это ваша рука?

— Да моя.

— Кто должен был там, на Западе, их получать от лиц, которым вы эти шпионские сведения адресовали?

— Рогуля.

— И потом? Только говорите правду. Потому что я сам могу назвать вам фамилию человека, которому Рогуля должен был передавать ваши шпионские сведения. Кстати, не очень ценные. В городе, о котором вы пишете, названных вами воинских частей уже нет. Вам подсунули старую домовую книгу, а вы подсунули своим опекунам из нее старые новости... Зачем вы сочиняли в этих тайных письмах, что создали большой отряд, что развернута большая работа?.. Почему вы лгали даже своим хозяевам и не показывали действительного положения? На все эти вопросы я жду ответа. Так кто вас готовил и направлял сюда?

— Его зовут Стиф.

— Кто вас с ним познакомил?

— Гофман.

— А с Гофманом как вы встретились?

— Меня с ним свел Рогуля.

— Теперь, наконец, ответьте, кто этот Стиф?

— Сотрудник французской разведки.

— А я и не знал, что сотрудник американской разведки Стиф перешел на службу во французскую разведку. Ну, довольно врать, говорите правду!

Филистович еще некоторое время пытался изворачиваться, но многочисленные документы, оружие, топографические карты, медикаменты, флаконы с ядом, черновики писем, доставленные Русаковичем с Волчьей гряды, очные ставки и, наконец, появление «Борисовского» в форме офицера государственной безопасности — все это заставило «спадара» сложить оружие.

ТОРГОВЦЫ И ХОЗЯЕВА

Майор Ладутько слушал признания Филистовича и не перебивал его даже тогда, когда тот повторял уже известное из документов и по предыдущим допросам. Лейтенант Перепечка после замечания старшего следователя стал более сдержанным, хотя это давалось ему нелегко. Он не мог спокойно слышать этот безразличный голос, которым Филистович рассказывал о подлых планах ничтожной кучки белорусских буржуазных националистов.

...После разгрома гитлеровской Германии Филистович под видом репатрианта оседает в Польше и пристраивается секретарем одной гмины. Потом, опасаясь, что его сотрудничество с фашистами во время войны может быть раскрыто, удирает через Чехословакию на Запад. В Париже он встречается со своим бывшим командиром — националистом Аркадием Качаном.

— Идем скорее к Абрамчику,— предложил бывший эсэсовец Филистовичу.— Он теперь собирает вокруг себя таких людей, как мы, сочувствует и помогает им. Надо думать, что мы, Янка, еще понадобимся.

Абрамчик действительно посочувствовал бывшему гитлеровскому вояке Филистовичу и направил его на учебу в польскую духовную семинарию. Однако сутана ксендза не очень привлекала недавнего карателя. Он бросает семинарию, изучает французский язык, чтобы посещать вольным слушателем Сорбонну. Абрамчик все время внимательно следил за воспитанием и развитием своего подопечного, учил его активно проповедовать в «Белорусской независимой организации молодежи» и в журнале «Моладзь» националистические идеи.

Вскоре Абрамчик вызвал из бельгийского города Лувена Бориса Рогулю, официально считавшегося «председателем студенческой белорусской организации». Рогуля сообщил Филистовичу, что тот может переехать в Лувен и там окончить университет. Студенческая организация будет помогать ему материально.

В Лувене, где Филистович поступил на четвертый курс исторического факультета, события стали развиваться с молниеносной быстротой. Рогуля пригласил однажды Филистовича к себе и сказал, что некоторым студентам, по-видимому, придется оставить университет. У организации нет средств, чтобы помогать им...

— Нам, брат, всем уже, очевидно, недолго осталось сидеть здесь, за границей,— словно между прочим заметил бывший гитлеровский прислужник.— Скоро начнется война за освобождение. Мы, белорусские националисты, тоже не должны оставаться и не останемся в стороне. Примем в этой борьбе самое активное участие. Как ты смотришь на это?

— Я согласен,— ответил Филистович.

— Очень хорошо. Возможно, что мы скоро установим связь с нашей родной земелькой.

Спустя некоторое время, Рогуля опять вызвал Филистовича и спросил:

— Согласен ли ты по заданию Рады бэнээр поехать в Белоруссию?

— А как это сделать?

— Скоро узнаешь. Я познакомлю тебя с парнями из американской разведки.

Встреча Филистовича с одним из таких «парней» — с «мистером Гофманом» состоялась там же, на квартире Рогули.

Гофман показался Филистовичу деловым человеком. Ему нужно только согласие. Если Филистович это согласие даст, то через неделю ему надо быть готовым к отъезду.

Точно через неделю Гофман заехал на квартиру Рогули, где его ждал Филистович. Отсюда они выехали в Брюссель, чтобы направиться самолетом в Мюнхен. В Мюнхене Гофман поселил Филистовича в гостинице недалеко от университета. Через неделю сюда примчался и Рогуля, чтобы дать указания от Рады бэнээр, как нужно действовать на территории Советской Белоруссии.

Гофман тем временем, мало интересуясь идеями всяких там рад, делал свое. Он завез Филистовича на специальную комиссию. Тут ему приказали раздеться до пояса, поставили спиной к какому-то похожему на патефон ящику с тремя контактами. Один из них в виде шланга от противогаза прикрепили к груди, другой — на правую руку, выше локтя, а третий — на ладонь левой руки.

Филистовича начали спрашивать резко и неожидан-

но, предупредив, чтобы на каждый вопрос он отвечал быстро: «да» или «нет».

— Верно ли, что ваша фамилия Филистович?

— Вы ничего не знаете о своих родных?

— Служили вы при немцах в белорусском национальном батальоне?

— Были в Италии?

— Участвовали в расстреле людей немцами?

— Вы агент МГБ?

— Агент английской разведки?

— Французской?

— Правдивы ли все ваши ответы?

После этих стремительных вопросов Филистовичу дали заполнить анкету.

Еще через несколько дней Гофман заехал за Филистовичем и, направляясь с ним к машине, сказал, что теперь начнутся занятия и он познакомится с другим агентом, тоже завербованным Рогулей.

— Вы не очень откровенничайте с вашим новым знакомым. Зовут его Костя.

Филистович узнал в этом новом знакомом некоего Амора, фотоснимок которого видел в одном из изданий. До этого Амор жил в Англии.

Познакомив их, Гофман повел машину за город. Часа через два приехали в какое-то местечко, на окраине которого стоял другой автомобиль. Из машины Гофману подали знак следовать за ними. Перед последним домом машины остановились. Гофман со своими пассажирами вылез и подошел к дому с табличкой, на которой было написано, что вход сюда запрещен всем, в том числе и военным.

В доме Гофман познакомил завербованных со своим коллегой, светловолосым американцем, назвав его Стифом.

— Это ваш непосредственный руководитель. Он будет готовить вас,— сообщил Амору и Филистовичу Гофман.

— Хотите водки? — спросил Стиф, когда Гофман попрощался и уехал.— Выпьем за ваши успехи!

Амору пришлась по душе такая встреча.

— Вы должны быть очень осторожны в Верисгофене,— предупредил их Стиф.— Разговаривать на белорусском языке на улице запрещается. И ходить по улицам без особой нужды тоже нельзя.

Домик, в котором их поселили, был одноэтажный, со столовой, спальнями, ванной комнатой, холодильником. Пищу им готовила пожилая худощавая немка с короткими редкими волосами.

Позже выяснилось, что таких домиков в Верисгофене очень много. Каждый из них был маленькой школой, где готовили шпионов для американской разведки.

На другой день Стиф привез Филистовичу литературу — Тургенева, Толстого, Достоевского и французские книги, объяснив, что еще нет учебников для «настоящей» учебы. Вскоре он привез рацию и, запершись в отдельной комнате с Амором, начал его обучать радиоделу. Чтобы Филистович не терял напрасно времени, Стиф дал ему напечатанные на машинке инструкции. Здесь были советы, как разжигать костер в лесу: по-сибирски, охотничьим и другими способами. Здесь же описывались методы работы советских следственных органов, советский уклад жизни, порядок прописки, цены на продукты и товары. Все это и многое другое было предусмотрено американской разведкой.

На продукты и мелкие расходы Стиф выдавал своим «ученикам» по 5—10 марок ежедневно. Этих денег было недостаточно, и «ученики» начали устраивать скандалы

своему учителю, требуя надбавки. Стиф вынужден был платить им больше. Особенно обрадовался этой победе над скупым янки Амор, который чувствовал себя без выпивки больным.

«Ученики», конечно, подобрались достаточно бывалые. Амор когда-то служил в армии Андерса. После войны остался жить в Англии. В 1951 году несколько месяцев редактировал журнал «Беларусь на чужыне», издававшийся антисоветской организацией «Объединение белорусов в Великобритании». Высокий и худощавый, с продолговатым, похожим на клин лицом, еще молодой, но полысевший, он любил широко пожить. Его все время влекли водка и женщины. Почти каждую ночь он где-то гулял, а возвратившись, спал до тех пор, пока его не поднимал сам Стиф.

Когда Стиф уезжал куда-нибудь на несколько дней, он оставлял присматривать за «учениками» другого американца, своего помощника Ли, на которого Амор почти не обращал внимания.

Филистович оказался более послушным и прилежным «учеником» и скоро усвоил все, что надо знать шпиону и диверсанту. Перед отбытием в Белоруссию он несколько раз прыгал с парашютной вышки.

Все это время Рогуля интересовался успехами Филистовича в шпионском деле. Теперь он уже назывался не Филистович, а «Джан».

Стиф хорошо подготовил своего «ученика» к опасному путешествию, стараясь, чтобы ни на одной, даже самой мелкой вещи не было клейма «USA». Автомат — немецкий, два пистолета — бельгийские, 500 патронов, питание, яды, одежда, топографические карты,— ничто не должно указывать, кто забросил в Белоруссию этого шпиона.

— Если вас вдруг задержат, не признавайтесь, что вы наш агент. Вы — агент французской разведки,— предупреждал его Стиф.— Понятно? Пока вы поедете один. Потом вернетесь через Польшу и возьмете с собой «Джима». Сведения будете передавать нам в письмах тайнописью, как я вас учил.

Настало время улетать. Борис Рогуля примчался в Мюнхен. Он привез от Абрамчика удостоверение Рады бэнээр на имя Филистовича и фотокарточку «президента» с автографом на обороте. В беседе Рогуля сообщил, что он вошел в правительство бэнээр с ходатайством о присвоении ему, Филистовичу, звания подполковника. Ходатайство это, он, Рогуля, уверен, будет удовлетворено, и поэтому Филистович уже теперь может именовать себя подполковником войска бэнээр...

Старший следователь перебил признания Филистовича и спросил:

— А почему, если не секрет, вы на Волчьей гряде назвали себя полковником.

— Какая разница,— безнадежно махнул рукой Филистович.— Назвал бы я себя генералом или маршалом,— конец, как я убедился в избе колхозника Алексея Савчука, был бы один.

— Я тоже так думаю,— заметил старший следователь.— Какие задания перед полетом давал вам Рогуля?

— Часть их я попробовал осуществить на Волчьей гряде. В случае войны мы должны были совершать поджоги в городах и деревнях, взрывать склады, мосты, убивать советских патриотов, сигналить американским самолетам, указывая цели. Рогуля, между прочим, меня предупредил, чтобы, сообщая в своих письмах на Запад о нашей деятельности, я не скупился на краски.

— Зачем это?

— Рогуля объяснил, что финансирование Рады американцами зависит от результатов подрывной деятельности на территории Белоруссии. Чем больше мы навредим, тем больше нам дадут денег.

— Какие задания дал вам Стиф?

— Сбор сведений военного характера: размещение и количество воинских частей, их вооружение, местонахождение аэродромов...

— Для этого вы и ездили в Гродно?

— Да.

— Что еще вас интересовало в Гродно? Почему вы расспрашивали о надежных людях, хорошо знающих государственную границу?

— Через границу возле Гродно я хотел вернуться на Запад.

— Сколько вы получили от американской разведки денег для контрреволюционной и шпионской деятельности в Белоруссии?

— Сорок тысяч рублей.

— На чьем самолете вы прилетели?

— Из Мюнхена Стиф доставил меня на север Западной Германии на американском самолете. Здесь, на аэродроме, меня уже ожидал военный самолет без опознавательных знаков. Стиф посадил меня в него, и мы поднялись в воздух. Самолет вели два летчика в английской военной форме. Кроме них, было еще два человека в штатских костюмах. Один из них говорил по-польски.

— Вас, значит, доставили сюда — как члена Рады бэнээр и одновременно агента американской разведки — на иностранном военном самолете. На кого рассчитывает Рада в своей антисоветской деятельности?

— На вооруженные силы империалистических держав и в первую очередь Соединенных Штатов Америки. При их помощи в Раде бэнээр надеются восстановить

на территории Советской Белоруссии буржуазно-националистический строй.

— Вы рассказывали кому-нибудь на Волчьей гряде, что существование так называемой Рады бэнээр до 1948 года держалось в секрете даже на Западе?

— Да, рассказывал Борисовскому и Пикуличу.

— Чего же опасалась Рада?

— Не знаю.

— Трудно поверить, чтобы вы, член Рады, не знали.

— Я тогда не входил в ее состав.

— Но вы ведь, наверно, интересовались историей организации, в которую вступали. Скажите лучше откровенно, что были политические мотивы подпольного существования на Западе так называемой Рады.

Филистович с минуту подумал.

— Видите ли, гражданин следователь, спадар Абрамчик считает, что тут причиной были чисто психологические, а не политические мотивы.

— Например?

— В то время еще нельзя было открыто говорить о

Медицинские препараты и яд, полученные американским шпионом от своих хозяев.

правительстве, в которое входят люди, служившие в гитлеровских войсках и участвовавшие вместе с эсэсовцами в карательных экспедициях в Белоруссии. Руководящие круги западных государств тоже не хотели компрометировать себя перед народом связями с теми, против кого недавно воевали и их солдаты... Нужно было выждать, пока в памяти людей изгладятся обиды и уляжется ненависть к тем, кто развязал вторую мировую войну...

— Чтобы сразу же готовиться к третьей? Начинать ее тайно, используя для этого любые психологические, как вы их называете, способы? Да?

— Истинная правда, гражданин следователь,— подтвердил Филистович.

— Яд, который нашли при вас и в потайном месте на Волчьей гряде, тоже принадлежит к этим способам?.. Почему вы не отвечаете? Взгляните сюда.

Филистович искоса посмотрел на Ладутько, который достал из ящика и поставил на стол несколько бутылочек с широкими горлышками.

— Кто вас снабдил этим ядом? Отвечайте!

— Стиф. Но он, спадар... простите, гражданин следователь... Он предназначался для меня лично... В случае моего ареста... Чтобы не даваться живым...

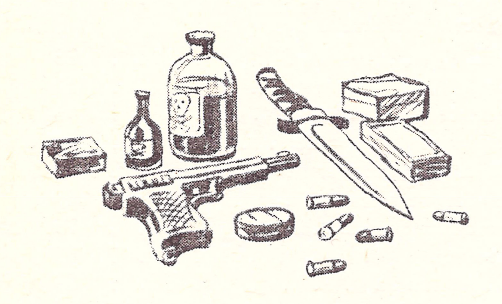
— Крепкий же, оказывается, у вас организм, гражданин Филистович! Лабораторные исследования привезенного вами яда показали, что его хватило бы на десять тысяч человек. Чрезмерно щедрые люди снаряжали вас в Белоруссию!

Когда Филистович, теперь уже безразлично прочитав протокол, подписался под ним и исчез в сопровождении часовых за дверью, лейтенант Перепечка первым вскочил со стула.

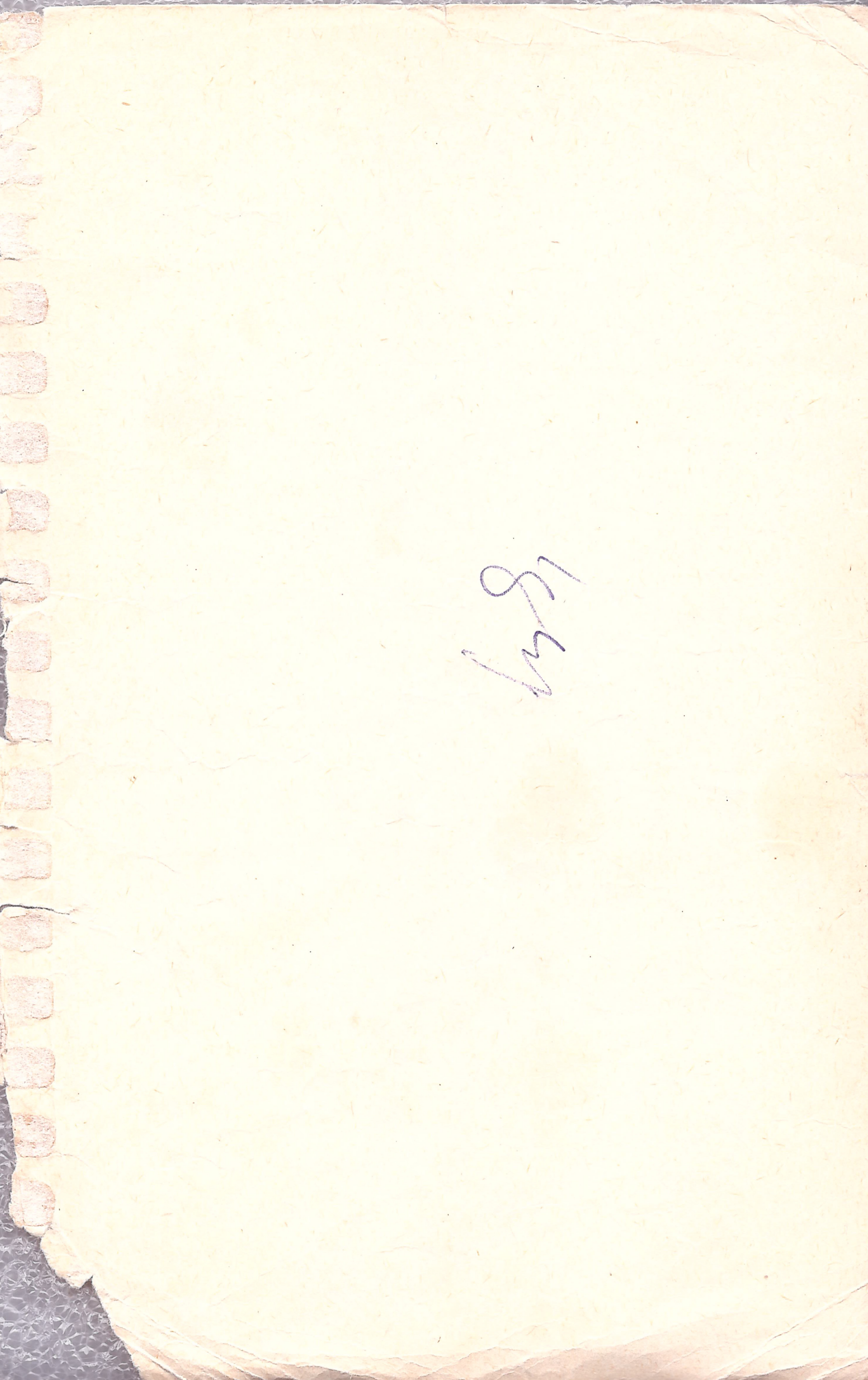
— И как, Григорий Захарович, этот гад, этот волк в человечьей шкуре, может так спокойно говорить о пре-

дательстве, о шпионаже в пользу врага, о войне?! Как можно допускать, чтобы такие ходили среди людей?!

— Успокойтесь, Миша,— улыбнулся старший следователь.— Есть старая народная пословица: таскал волк, потащили и волка. Суд народа скажет о нем свое веское слово. Я считаю это дело завершенным.

ОГЛАВЛЕНИЕ

27 коп.

Последович Макар Трофимович
ПО ВОЛЧЬИМ ТРОПАМ
Государственное издательство БССР
Минск, проспект имени Сталина, 79
1961